

Вершители. Часть 2. Тайна Каменных людей

Автор:

[Евгения Кретьова](#)

Вершители. Часть 2. Копьё Маары

Евгения Кретьова

Вершители #2

После долгой и опасной битвы с Ирминой в подвалах Александрии Кате Мирошкиной остается только попрощаться с друзьями и отправиться к маме. Все готово, есть посох и Алатырь, но последнее путешествие прерывается внезапным появлением необычной гостьи. Аякчаана, девочка с Крайнего Севера, и Катя сталкиваются лицом к лицу в бесконечных подземных лабиринтах. У них разные цели: внучке шамана из Сибири нужно найти копьё Маары, а дочери Макоши и Велеса вернуться домой. Но только вместе они смогут достичь желаемого и вновь оказаться со своими близкими.

Судьбы Кати и Аякчааны теперь связаны. Девочкам предстоят невероятно трудные испытания: перемещения во времени и пространстве, спасение верных друзей из плена джунгаров, поиски заветного артефакта богини смерти, снятие смертельного заговора и новая битва с Ирминой – ведьмой, которая вернулась с того света. Она не хочет отпускать Катю и ее семью, отчаянно жаждет их гибели, и поиски копья Маары лишь обостряют ее ярость и ненависть. Смогут ли девочки найти в себе силы, выжить в еще одной схватке с Ирминой и вернуться к своим родным?

«Копьё Маары» – вторая часть тетралогии «Вершители». Евгения Кретьова – победитель национальной литературной премии «Рукопись года – 2018» и лауреат Конкурса детской и юношеской прозы LiveLib 2018 – представляет новые опасные и захватывающие приключения Кати Мирошкиной. Вы не только узнаете больше о славянской мифологии, но и посетите интересные исторические локации нашей страны, вместе с Катей увидите невероятную красоту природы России и уникальные культурные артефакты.

Евгения Кретьова

Вершители. Кн. 2. Копьё Маары

Автор обложки Данияр Альжапар

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Кретьова Е. В., текст, 2022

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

* * *

Пролог

Женщина поморщилась от резкого запаха жаренного с луком мяса, покосилась на каза?н, от которого растекался густой и насыщенный аромат. Мужчина напротив привстал на шелковых подушках, устроился удобнее, подобрав под себя ноги.

– А что я получу взамен? – спросил он резко, продолжая разглядывать незнакомку.

Она пришла в его шатер, миновав охрану, будто из-под земли появилась. В черном одеянии, она будто источала тьму, будто сама состояла из тьмы.

Услышав его вопрос, качнулась – силуэт подернуло пеленой. Прохрипела приглушенно в ответ:

– Золото. Шелка. Товары. Весь город.

Мужчина цокнул языком, выковыривая застрявшую между зубами мясную жилку, посмотрел с опаской.

– Целый город? Взамен на девчонку? – Темные раскосые глаза смотрели пристально, жалили любопытством.

Женщина поправила темное одеяние – он едва смог рассмотреть ее лицо под опущенным на глаза капюшоном, – а из-под руки вырвался длинный язык черного тумана и, спутавшись с отбрасываемыми от свечей тенями, растаял в ночи.

– Все так. Я проведу вас тайной тропой до города. Вы возьмете его богатства и его жителей и приведете мне девочку.

Мужчина смотрел недоверчиво:

– Она точно там будет?

– Если вы будете слушать, что я говорю, – да.

– Ровно в тот момент, когда ты скажешь?

Женщина повторила вновь:

– Если вы будете слушать, что я говорю, – да.

Мужчина посмотрел в глаза присутствовавшему при разговоре воину:

– Что скажешь ты, Сенге??

Воин вздохнул:

– Застава близко. Обман может быть, Батур.

Мужчина перевел тяжелый взгляд на женщину, помолчал, изучая ее. Осанка, гордый разворот плеч выдавали молодость. Голос – старушечий, сухой и скрипучий, будто шелест мертвого дерева. Черное одеяние и этот туман, клубящийся из-под пальцев женщины. Не понять, по обычаю какого народа одета. Ткань струится словно марево. На хрупких запястьях, что то и дело показываются из-под широкого рукава, – кожаные зарукавья, какие носят славяне. Только письма не разобрать. И не ест ничего.

– Зачем так делаешь? Зачем город отдаешь, родичей своих?

Женщина повела плечами, тень скользнула по ним, стекла дымкой по накидке.

– Каждый получит по делам своим.

– А девочка? – спросил строго.

– А это, Батур, не твое дело.

Мужчина усмехнулся:

– Было б не мое, ты бы ко мне не пришла, сама бы справилась.

Женщина с сомнением покосилась на присутствовавшего при разговоре воина, прошептала:

– У нее есть то, что я сама взять не могу.

– Что же это?

Женщина сбросила с головы капюшон, позволив рассмотреть себя. У мужчины округлились глаза, рот искривился в брезгливой гримасе.

– Ведьма... – прошептал он, отворачиваясь от покрытого язвами лица.

Женщина снова надела капюшон, проговорила, спокойно пожав плечами:

– Поживешь с мое – и не таким станешь.

Только сейчас Батур понял, что беспокоило его больше странного тумана, голоса и повадок пришедшей женщины. От нее на стены шатра не ложилась тень.

«Ведьма», – повторил про себя и дотронулся до ножен, словно до оберега.

* * *

– Вы все умом, что ли, тронулись?

Солнце ярко освещало просторное помещение: огромное круглое окно, через которое виднелись утопающая в зелени равнина, поблескивающая лазурью река, уносившая свои воды далеко за горизонт. Легкие облака, словно тонкая фата невесты, бросали невесомые тени на долину. Мягкие, изумрудно-золотистые портьеры отгораживали спокойное умиротворение панорамы от гневного голоса. А на ковре малахитового цвета, повинувшись солнечному свету, лившемуся из окна, медленно расцветал сказочный цветок. Перламутровые лепестки с нежно-персиковыми прожилками, острые хвостики на концах. Капли росы в углублениях. Стебель вился по центральной части ковра, укладываясь затейливым узором.

Как живой.

Глава 1

Снова в школу

За несколько дней до этого

Сон какой-то странный. Будто идет она по синему льду. Прозрачному. Гладкому как зеркало. Идет осторожно, неуверенно переставляя ноги в неудобных

ботинках, синих, из грубой негнущейся кожи, с громоздкой и очень скользкой подошвой (в жизни у нее не было такой обуви). Где-то там, под многометровой толщей льда, величественно проплывают чужие тени. Одна, другая... У самой поверхности мелькнула и растаяла в глубине блестящая чешуйчатая спина... Бросило в холод, и липкий, противный страх перехватил дыхание. Единственное, что важно, – вернуться назад.

Трынь-тры-ы-ынь... Трынь-тры-ы-ынь...

Аякчаана вынырнула из тревожного сна, недобро поглядела на синий экран телефона: «Семь двадцать, подъем». За окном – сизые сумерки. Коричневые дома на сваях, будто избы сказочных ведьм. Потемневшая после первых заморозков зелень, прибитая за ночь хрустким и колким туманом. Сентябрь в Якутии уже гремит оковами наступающей зимы.

Шумно вздохнув, она спустила ноги с кровати, сразу удачно попала в теплые пушистые тапочки, которые мама привезла из командировки в Москву, улыбнулась приятному ощущению. Сладко потянулась и зевнула, сбрасывая с плеч остатки сна. Решительно встала и собралась вниз, на кухню, – чай заваривать, завтрак готовить.

Выходя из комнаты, сдернула одеяло со сладко похрапывающей младшей сестры.

– Оюна, вставай! Бутеры заканчиваются, – пошутила она над девочкой, которая была толстушкой.

Та в ответ сонно пробасила что-то вроде «Я не сплю», перевернулась на другой бок, плотнее заворачиваясь в теплое одеяло.

Ну и пусть поспит еще пять минут – будильник-то старшая сестра не выключила. Сейчас сработает повтор и будет звенеть, пока не нажмешь кнопку «отбой». Но для этого надо найти телефон! А для этого – открыть глаза и вылезти из-под одеяла!

Очень довольная собой и приготовленной для сестры шуткой, Аякчаана вышла в коридор.

Там еще царила сонная тишина. Все спали.

Так повелось с самого ее семилетия. Шесть лет назад, в день ее рождения, отец подарил ей большую коробку для рукоделия, в которую они с мамой положили нитки, иголки, кусочки ткани, ленты и кружева. Это означало, что Аякчаана выросла и стала полноправной маминой помощницей. На нее были возложены обязанности, которые она, как послушная дочь, должна была выполнять. Выходной ли, праздник ли, каникулы ли, она вставала раньше всех в доме и готовила завтрак для всей семьи. Она убирала в комнатах, стирала и гладила одежду, следила за тем, чтобы в доме были вода и дрова.

В этом году Оюне тоже исполнится семь, сегодня она первый раз идет в школу, и часть обязанностей она, Аякчаана, передаст младшей сестре. Что бы ей такое спихнуть? Этот вопрос мучил Аякчаану с начала лета. Пока она склонялась к тому, чтобы та мыла посуду и кормила козу Осу – очень противную особу, вечно бодающую Аякчаану и норовящую укусить за палец...

Сегодня, правда, возникла мысль передать утреннюю готовку, чтобы иметь возможность утром поспать на несколько минут дольше. Хотя... Пара лишних минут особой погоды не сделает. А завтрак неумеха Оюна будет портить регулярно.

С этими размышлениями девушка, стараясь не шуметь, спустилась по хлипкой лестнице на первый этаж, на цыпочках прошла мимо двери в дедушкину комнату, проскользнула в кухню и, только плотно закрыв за собой дверь, щелкнула выключателем.

Вчера она потратила весь вечер, чтобы навести здесь идеальный порядок (так сказать, на неделю вперед – очень уж не хотелось в первые дни после каникул торчать дома с тряпкой и ведром в руках вместо того, чтобы болтать с подружками), и теперь еще раз придирчиво оглядела результат своих трудов. Тесная, довольно потрепанная временем кухонька сияла чистотой. Стекла в маленьких оконцах до блеска вымыты, цветы на узких подоконниках расставлены по местам, а их листья блестели словно отполированные. Занавески аккуратно подвязаны, чисты и вкусно пахнут свежестью. Старенькие шкафы идеально вымыты, стол покрыт почти новой клеенкой, а белая электрическая плита выглядит, пожалуй, лучше, чем новая. Ковровые дорожки выстираны и натянуты так, что по ним парады можно проводить. Молодец!

Немного огорчало, конечно, что голубая краска на кухонных шкафчиках облупилась и сквозь некрасивые трещины видна прежняя, зеленая. Да и окна тоже требуют побелки. А весь дом – ремонта. Но это поправить она уж никак не может.

Она подошла к электрическому чайнику, примостившемуся на подоконнике рядом с чахлым кактусом, и включила его. Чайник весело заурчал, зашумел, приветствуя молодую хозяйку. Аякчаана зевнула. Надо молоко поставить для каши. Сегодня у нее по плану овсяная каша, праздничная, с яблоками и корицей. Дедушка такую любит.

Она достала с нижней полки холодильника литровую банку с козьим молоком, вылила его в большую пузатую кастрюлю, зажгла плиту, снова зевнула. Сонное настроение никак не проходило.

На узкой полке поправила махонькое зеркало с когда-то ярко-розовой пластмассовой оправой цветочком. Пока закипали вода в чайнике и молоко в кастрюле, Аякчаана прихорошилась: переплела косички, распушила челку, белозубо улыбнулась сама себе.

За дверью послышалось шуршание: в мутном дверном стекле мелькнула розовая пижама младшей сестры.

– Не шуми! – Аякчаана, не дожидаясь, пока Оюна всех разбудит, осторожно открыла скрипучую дверь.

– Ты чего будильник не выключила? – Оюна обиженно терла заспанные пухлые щеки. – Я пока его нашла, весь пол в комнате носом пропахала...

– На вот, карауль, чтобы молоко не убежало. – Вместо приветствия Аякчаана подтолкнула сестру к плите, а сама торопливо достала хлеб и принялась его нарезать.

Оюна послушно передвинулась, обреченно вглядываясь в молочную пену через стеклянную крышку.

– Ая, – жалобно позвала.

– Чего тебе?

– А в школе страшно?

– Очень, – хмыкнула Аякчаана.

Это была ее недавняя забава – дразнить сестру. Оюна шла в первый класс и очень волновалась, как у нее всё получится. На рассказы взрослых о том, какая у нее будет замечательная школа, добрая учительница, она с сомнением вздыхала, ведь «эксперт» и «непосредственный участник» событий, старшая сестра, говорила совсем другое. Предупреждала: порют розгами. Это тонкие гибкие веточки. Оюна как-то сорвала себе такую и для пробы ударила по ноге – эффект получился потрясающий: ревела полчаса, потом еще неделю рассматривала продолговатый синяк. Еще старшая сестра рассказывала: есть специальные темные комнаты с пауками и змеями, в которых запирают нерадивых учеников за двойки и плохое поведение. А еще между делом сообщила, что у ее, Оюниной, учительницы есть тайный дар – она умеет превращаться в большую прожорливую жабу с черными бородавками и съедает всех, кто окажется рядом с ней.

Конечно, Оюна смотрела фильмы про школу. Там ничего подобного не было. Но кто его знает, вдруг ее школа – исключение.

И сегодня как раз надо идти в первый класс. Первое сентября. Мама форму погладила. Банты приготовила, большие, белоснежные. И колготки белые. И туфли. И ранец достали – новый, нежно-розовый, с большеглазыми феями с блестящими крылышками за спиной. Вдруг она сегодня получит двойку или сделает что-то не так, и ее, такую нарядную, посадят в ту ужасную комнату с пауками и змеями...

– Да ты уснула, что ли! – Аякчаана сердито посмотрела на нее, ловко снимая с плиты кастрюлю, из которой выплескивалась на белоснежную плиту пушистая пена. – Ничего тебе доверить нельзя! Сказала же – следи, чтоб не убежало! – ругалась она, вытирая дымящиеся лужицы молока, но оно неумолимо темнело, оставляя на белом глянце неаппетитные разводы, а в кухне – едкий запах. – Открой окно!

Оюна подбежала к окну, дернула за раму, та с треском распахнулась, увлекая за собой несколько цветочных горшков. Старшая сестра даже подпрыгнула от неожиданности – конечно, мамыны любимые фиалки и эти, как их там... орхидеи.

– Ой, – только и пропела жалобно первоклассница.

– Да ты вообще о чем думаешь? – в гневе крикнула Аякчаана, понимая, что ей сейчас вместо утреннего завтрака придется снова убираться в кухне, пока грязь не разнесли по всему дому.

Оюна горько заплакала.

Дверь скрипнула, пропуская внутрь кухни дедушку.

– Ну, ничего, ничего, – мгновенно оценив обстановку, покачал головой он. – Торопливость еще никому хорошую службу не сыграла.

Оюна шмыгнула носом и полезла в шкафчик под раковиной – за совком и веником, а Аякчаана, бросив оттирать плиту, поспешила взять кружку, сунула в нее пирамидку с чаем, залила кипятком и, заботливо прикрыв крышкой, подала дедушке:

– На, дедушка Учур, выпей, разбудили мы тебя.

– И тебе доброе утро, внученька. – Дедушка улыбнулся. Сухими, в глубоких морщинках пальцами взял кружку, с наслаждением вдохнул ароматный чай. – Что приключилось-то тут у вас?

– Да эта растяпа цветок разбила, – с раздражением буркнула Аякчаана. – Вернее, целых два.

– Не «эта растяпа», а Оюна, – мягко поправил дедушка. – А ты что скажешь, внучка моя младшая?

Оюна, виновато мывшаяся с совком у открытого окна, подняла на дедушку зареванное лицо.

– Я в школу боюсь идти, – прохныкала она, – там злая учительница и комната с пауками!

Дедушка медленно перевел потемневший взгляд, посмотрел на Аякчаану, да так, что дотянулся до самых потаенных уголков ее мыслей, прочитал, будто в открытой книге, как посмеивалась она, обманывая маленькую сестру и пугая.

С глухим стуком поставив чашку на стол, дед поманил к себе:

– Подойди ко мне, Аякчаана.

Она сразу съежилась. Ой, что сейчас буде-е-ет... Шагнула вперед и замерла напротив деда. Будто кол проглотила.

– Зачем сестру пугаешь? – прошептал Учур. – Зачем неправду говоришь? Зачем напраслину на хорошего человека возводишь?

Аякчаана молчала.

Зато Оюна покраснела до кончиков волос, виновато оглядываясь на посеревшее лицо сестры.

– Я ему ничего не говорила! – умоляюще прошептала она одними губами. – Я не знаю, как он узнал...

Учур и это услышал. Его морщинистое лицо стало еще более строгим, а глаза наполнились колючей темнотой, и она тонкими напряженными змеями повисла в воздухе.

– А мне и не надо ничего говорить. Сам все вижу... Оюна, встань ровно! – приказал.

Та замерла.

А дед велел:

– На меня посмотри...

Глаза у Оюны распахнулись, она перестала моргать и, кажется, забыла, как дышать. Руки безвольно повисли вдоль тела. И будто померкло все. Притихли звуки, притушились цвета. По тесной кухоньке в далеком эвенкийском селе растекался запах сырого, покрытого мхами камня. Аякчаана остро почувствовала его – он всегда появлялся, когда дедушка сердился. И это было самое страшное – рассердить дедушку, своего главного заступника и помощника во всех начинаниях и делах. Главного друга и опору. Стыдно-то как. И правда: что это она пристала к малявке?

– Прости! – крикнула Аякчаана и бросилась к нему в ноги.

Обхватив сухие колени, она со всей силой вжалась в них. Запах сырого камня стал медленно отступать, а темнота рассеялась. Оюна тяжело дышала за спиной. Тоже напугалась.

– Прости, дедушка, я же шутила просто, без злой мысли. – Аякчаана подняла голову и жалобно посмотрела на узкое морщинистое лицо.

– Не мне говори «прости», а вот ей. – Он мягко указал на Оюну.

– Оюна, прости, я шутила, когда говорила гадости про школу и про твою учительницу.

Та испуганно перевела взгляд со старшей сестры на дедушку и обратно, но промолчала.

– Не бойся, Оюна, – дедушка снова улыбался, – Аякчаана будет с тобой. Если тебя кто-то обидит или напугает, ей говори... – Он погладил младшую внучку по голове. – Она тебя в обиду не даст... И вот еще что, Аякчаана. – Его тон вдруг стал непривычно деловым. – Ты, как уроки закончатся, сразу домой беги, не задерживайся. К нам гости приедут. Хочу, чтобы ты дома была.

Аякчаана онемела: какие гости? Мама ничего не говорила. А дедушка тем временем медленно встал и, похлопав ее по плечу, добавил:

– Это ко мне гости, внучка. Твоя мама еще о них и не знает.

Он словно читал ее мысли.

Нет. Не так. Он ЧИТАЛ ее мысли.

Ее дедушка Учур был шаманом. Главой эвенкийской общины, одной из самых больших в Якутии. Несколько месяцев он проводил в тайге. Один. Без оружия. Говорят, его даже волки боятся, а медведи поклоняются как равному.

А еще говорят, он умирляет ветры и властен над всеми водами, ее дедушка Учур.

Глава 2

Гости

Как только закончился классный час и было выдано расписание на первую четверть, Аякчаана выскочила из класса и поторопилась к выходу из здания школы.

– Аякчаана, ты куда мчишься как ужаленная? – захохотали подружки.

Девчонки из параллельного класса уже расположились во дворе школы, заняв удобные скамейки вокруг спортивной площадки. Праздничная линейка позади, поздравления – тоже. Можно посмотреть, как первоклассники резвятся, да обсудить каникулы. Аякчаане очень хотелось, да что там – смертельно хотелось! – с ними задержаться... Еще бы! Три месяца не виделись! Саргыла?на к родственникам уезжала, в Якутск, в зоопарк ходила, в Музей мамонта и в театр. А Кюнне?й вообще в Москве была! На самолете летала...

Аякчаана уже почти свернула к ним, но перед глазами встали темные дедовы глаза, и этого оказалось достаточно, чтобы она поспешила выловить вертлявую младшую сестру из стайки первоклассников. Надо бежать домой.

Оюна весь обратный путь без умолку болтала. Первые минуты три Аякчаана еще слушала ее восторженные возгласы, но после того как сестра в третий раз стала рассказывать, как именно их поприветствовала учительница, как она им улыбнулась, как рассадилась, ее мысли сами собой перенеслись к утреннему разговору с дедом.

Что за гости такие? К ним в деревню мало кто приезжает. Дорога плохая, от столицы далеко. Когда-то здесь был большой порт на реке Лена, но его уже лет десять как закрыли, и теперь на неухоженном берегу тут и там валяются кверху днищами прогнившие лодки. Так что заглядывают к ним гости не часто – незачем. Здесь кругом царит запустение и бедность.

Особенно странно звучало то, что даже мама еще ничего не знала. Значит, новость про гостей – не вчерашняя.

Выходит, дедушке ночью видение было.

Аякчаана даже икнула от любопытства и замерла.

Они стояли на небольшом холме, с которого до дома было рукой подать.

– Смотри, – зачарованно прошептала Оюна.

Можно было и не говорить, Аякчаана именно этим и занималась – смотрела затаив дыхание. Перед их низеньким, давно не беленым домом на узкой пыльной дороге припарковалось три роскошных черных внедорожника.

– Это что, «крузёры»? – прошептала Оюна так, будто только что увидела волшебника Мерлина.

Аякчаана пожала плечами. Собственно, какая разница. Может, и «крузёры», как выразилась младшая сестра, может, и нет – сестра все внедорожники так называла. Но, признаться, таких машин Аякчаана в селе еще не видела: огромные, с отполированными боками (пусть сейчас и покрытыми изрядным количеством пыли), с изящными лентами хромированной стали, они величественно урчали у ворот их дома.

Девочки спустились с пригорка и подбежали к машинам. Оюна (есть все-таки определенные преимущества в таком юном возрасте!) беззастенчиво заглядывала внутрь прекрасных гигантов, восторженно озвучивая все увиденное:

– Ого! Смотри! Там телевизор внутри есть!

– Ну и что? – Аякчаана изо всех сил старалась вести себя как взрослая, то и дело одергивая любопытную сестру. – У дяди Эрчи? ма тоже в машине есть телевизор...

– Так этот работает! Вон водитель на нем кино смотрит!

Аякчаана дернула сестру за рукав:

– Хватит уже туда заглядывать! Что про нас с тобой подумают? Будто мы дикие совсем, машин не видели...

Оюна покраснела. Она низко опустила голову, но оторвать любопытного взора от урчащих красавцев не могла, так и шла боком, косясь на них и вздыхая.

Пройдя по узкой деревянной дорожке к дому, сестры очутились перед лицом другой необычайности, которая вывела из равновесия не только первоклассницу Оюну, но и Аякчаану: на крыльце, перегородив проход в дом, стояли два амбала[1 - Амбал (разг.) – большой, очень высокий и сильный человек. Есть предание, что слово «амбал» стало нарицательным примерно в XVI–XVII веках, а изначально было именем князя остяков (устаревшее название народов северной Сибири) Амбала, человека очень высокого роста и недюжинной силы.] в черных костюмах.

– Куда? – прогрохотали они, лишь только девочки ступили на крыльцо.

– Домой, – пропищали сестры.

А Аякчаана добавила для верности:

– Мы живем здесь.

Один из амбалов сделал останавливающий жест, велел подождать, и кивнул второму. Тот проскользнул внутрь дома. Вернулся через пару минут и молча распахнул перед девочками дверь.

– Ой, что делается! – восторженно ахнула Оюна и, забыв закрыть рот от удивления, шагнула мимо громалы в похоронном костюме и остановилась.

Но сестра не позволила его разглядеть, подтолкнула в спину, чтобы не таращилась: передумают еще и домой пускать не станут... А на улице уже прохладно в тонких колготках и туфельках. Хотя и сентябрь, но в Якутии ночью уже подмораживало.

Аякчаана, возвращаясь к своим размышлениям, отметила: важные, значит, гости приехали к бабушке, раз на машинах таких, да еще и с охраной. Зайдя в тесную прихожую, ожидала услышать гомон голосов, смех, песни, праздничную суету. Но девочек встретили лишь настороженная тишина и еще один амбал внутри, у входа в гостиную.

Великан посмотрел на них и костяшкой указательного пальца легонько стукнул по матовому стеклу. Дверь тут же со скрипом отворилась, и в образовавшуюся щелочку выглянула встревоженная мамина голова, а затем рука. Рука вытянула вперед указательный палец и приложила его к губам.

– Тш-ш-ш, – для верности прошептала мама.

Девочки подобрались – они и так едва дышали от любопытства, теперь же, стараясь бесшумно передвигаться, высоко поднимали ноги и поэтому не спеша скользили вверх, в свою комнату. Аякчаана вовремя подхватила сестру за локоть – Оюна увлеклась и начала терять равновесие, явно готовая кубарем скатиться с лестницы.

За спиной скрипнула дверь гостиной. Аякчаана обернулась, посмотрела вниз. В коридор, с опаской покосившись на амбала, вышла мама, взглядом приказала Аякчаане спуститься и войти в гостиную. Оюна застонала:

– А я?

– А ты в комнату иди, сейчас молоко тебе принесу. Только тихо! – Мама предостерегающе подняла указательный палец и нахмурилась.

Оюне осталось только с завистью смотреть в спину старшей сестры и вздыхать – как ни замедляй шаг, ступеньки закончились, и ей пришлось зайти в свою комнату.

* * *

В гостиной было душно и тесно. Окна оказались плотно закрыты и задернуты занавесками. В нос девочке сразу ударил непривычный запах смеси дорогого табака и противно-сладких духов. На диване сидело двое довольно упитанных мужчин: высокий и низенький. Оба весьма уверенные в себе. Их было много не столько физически, сколько морально...

Так должны выглядеть большие начальники, подумалось Аякчаане. Рядом с высоким, на стуле, спиной к замершей у входа девочке, сидела тощая блондинка – источник приторного аромата. Склонившись над блокнотом, она что-то быстро-быстро записывала. Напротив «начальников», передвинув кресло с привычного места, тихо сидел еще один незнакомец, пожилой, в сильно потертой кожаной куртке. А где же дедушка?

Аякчаана пригляделась.

Дедушка сидел на полу, лицом ко входу, прямо посреди большого ковра. Он курил трубку и молчал. Тонкий дымок вился над его головой, укладываясь в замысловатые узоры.

– Что ж, – наконец сказал он, – а вот и тот, кто будет меня сопровождать, – и он указал... на вошедшую Аякчаану.

Мужчины, сидевшие на диване, повернули к ней свои удивленные лица. Бог мой! Аякчаана знала обоих, очень часто их по телевизору видела, большие начальники из столицы! Зачем они здесь?!

Она оторопела. Но, кажется, присутствующие гости удивились не меньше нее. Пожилой мужчина в кожаной куртке разочарованно выдохнул, а блондинка даже

выронила карандаш.

– Дедушка Учур, – обиженно пробасил тот, что повыше, – зачем ты так? Мы бы тебе дали более надежного провожатого. Вон какие парни у тебя во дворе стоят – выбирай любого!

Низенький согласно закивал.

Дедушка медленно покачал головой:

– Нет, уважаемый. Мое слово сказано.

Мужчины не стали спорить, шумно поднялись с дивана, поклонились дедушке:

– Мы слышали тебя, Учур-хан. Твое слово для нас закон. Значит, на рассвете?

Дедушка кивнул. Тогда двое важно двинулись к выходу. Тот, что повыше, остановился перед Аякчааной, внимательно и с явным любопытством на нее посмотрел.

– Да, – задумчиво протянул он тому, который пониже, и все вместе вышли на крыльцо.

Мама суежилась, предлагала дорогим гостям чай, но мужчины, сердечно ее поблагодарив, отказались.

– В самом деле, нам еще до Якутска ухабы собирать! Вот дело сделаем, тогда и чаи гонять будем! – хохотнул высокий.

Мама только руками всплеснула.

И все уселись по машинам: двое мужчин начальственного вида – в одну, а блондинка с пожилым «потертым» незнакомцем – во вторую. В каждую протиснулись охранники, и кавалькада плавно поплыла по дороге.

Аякчаана не могла сойти с места от удивления.

– Дедушка, – позвала она, – о чем они говорили?

Дедушка Учур поднялся и пересел на диван, туда, где только что сидели два важных господина, и указал ей на место рядом с собой. Аякчаана осторожно присела на край.

– Это из Якутска люди. Очень важные господа...

– Да я поняла, я узнала их. По телевизору видела, – торопливо подхватила девочка.

Дедушка кивнул:

– Очень уважаемые люди... Да не в том дело. Они приехали ко мне с просьбой. – Он помолчал, будто подбирая слова. – Видишь ли, у них выборы этой осенью. Очень им надо победить...

– А ты здесь при чем, дедушка? Они что, хотят, чтобы ты за них свой голос отдал?

Дедушка усмехнулся:

– Они говорят, что без помощи предков им не обойтись.

Аякчаана хмыкнула:

– А разве так можно? Это же нечестно...

– Нынче, внучка, говорят: «На войне и в политике все средства хороши»! – дедушка задумался. – Я бы, конечно, им отказал, негоже духов предков по пустякам беспокоить, но, видишь ли, мне сон сегодня ночью был, что им помочь надо. Выходит, хорошее дело они задумали, раз духи помочь им через меня велели. Как им отказать?

– А зачем ты меня позвал? Я же не умею ничего, да и нельзя мне, маленькая я еще... Ты же мне сам говорил и дар еще мне не передавал. Чем я тебе помогать стану?

– Ты со мной пойдешь в одно место. В священное место... – Аякчаана затаила дыхание. – Пойдем с тобой на поклон к Каменным людям.

Девочка почти превратилась в соляной столб от удивления, даже сказать ничего не могла. Дедушка имел в виду Кигиляхи?[2 - Кигиляхи, или Кисиляхи, – в Якутии «каменные люди», монументы на острове Большой Ляховский, а также в Верхоянском улусе (районе), на материковой части республики. Представляют собой гранитные горы-останцы природного происхождения, имеющие причудливую форму. Считаются священным местом, в которое раньше допускались только шаманы для проведения обрядов.]

– Да, Кигиляхи... – Он снова будто слышал ее мысли. – На Большом Ляховском острове.

– Так это же далеко, – развела она руками. Она и представить себе не могла, что туда можно дойти пешком. – Тем более там же через пролив плыть?

– Поэтому мы не пойдем, а полетим, – поднял вверх указательный палец дедушка. – Завтра рано утром, на рассвете, за нами прилетит вертолет и доставит на остров, на полярную станцию. А оттуда рукой подать до мыса Кигилях... – дедушка наконец улыбнулся. – Оденься только поудобнее и потеплее.

Сказав так, дедушка встал и неторопливо пошел к двери, уже думая о чем-то своем.

Аякчаана очень хотела расспросить его о завтрашней поездке, о том, почему она – почему он выбрал ее, но... не решилась. Она почувствовала какой-то переполох в душе. Больно закусив губу, она схватила пульт от телевизора, повертела его в руках, словно припоминая, к чему вообще эта пластиковая штуковина применима, бросила его обратно на диван и рванула на крыльцо.

На ходу застегивая куртку, девочка добежала до ворот. Едва не растянувшись на покрывавшейся тонкой коркой льда луже, через которую была переброшена почерневшая доска, выскочила на дорогу.

Постояв так несколько минут, вдыхая сырой и одновременно пыльный воздух и немного придя в себя, Аякчаана побрела в сторону реки. Она любила это место. Мелкий, почти белый песок, камни, сухая, посеревшая от первых заморозков трава... Все это кажется незначительным и ненужным. Полноправной хозяйкой этих мест всегда была Лена: огромная, тягуче-всесильная и медлительная великанша, которая милостиво позволяла людям ловить рыбу в своих зеленоватых водах да наслаждаться своей красотой, пока она сама перемигивается с лазурным небом, отражая его свет.

Сейчас, ранней осенью, могучая река словно затаилась, вглядываясь в глубину своих бескрайних вод. Поверхность ее покрылась мелкой рябью, приобрела стальной оттенок. Словно пар от гигантского колдовского котла, поднимался над ней тонкий туман. Кто там обитает в этих холодных водах и варит свое зелье?

Аякчаана шагнула на большой плоский камень, на который то и дело набегали серо-зеленые волны.

Здесь, около валуна, рябь не коверкала прекрасный лик реки и вода была особенно прозрачной. Чуть наклонившись вперед, Аякчаана разглядывала мелкие камушки, разбросанные по песчаному дну.

Казалось, они под самой поверхностью, протяни руки – и поднимешь со дна. Но девочка знала: глубина здесь не менее полуметра. Близость камней – лишь оптический обман водяной линзы.

Но Лена ее успокоила. Вдыхая безмятежность ее вод, Аякчаана постепенно начала чувствовать себя ее частью. Казалось, она сама стала вечностью.

Воды тихо шумели, ветер прогонял вдаль дым человеческого жилья, голоса и песни. Она осталась одна наедине с Великой рекой. И та будто бы обняла ее своей прохладой.

Легко, как равная ей, Аякчаана обвела взглядом водную гладь. И она раздвинулась, расширилась, поглощая очарованную девочку. И вот она стоит уже на синем льду. Прозрачном. Гладком как зеркало. Делает один шаг, за ним второй, третий. Где-то там, под метровой толщей льда, неторопливо проплывают жутковатые силуэты. Она их почему-то видит... Под ногами, у самой

поверхности, промелькнула и растаяла в глубине блестящая чешуйчатая спина... А на гладкой поверхности льда отразилась тень какой-то битвы. Вот черные призраки покрывают толщу льда, сковывая горстку испуганных людей. Мгла сгущается, приобретая чернильную плотность. Но тонкий и ослепительно яркий луч света разрезает мрак, отрывает от него огромные куски и растапливает, словно масло. Прекрасная голубоглазая девочка сжимает в руках длинный серебряный посох. Вместе они – и девочка, и посох – источники этого победоносного сияния.

Аякчаана качнулась, и наваждение растаяло. Она стояла на самом краю скользкого камня, почти касаясь носками туфель кромки ледяной воды, а вокруг нее опускались пушистым покрывалом сумерки.

Торопливо ступив на берег и не оглядываясь, девочка поспешила к дому. Она, признаться, продрогла до костей.

Едва она показалась из-за прибрежных зарослей, дедушка Учур, все это время стоявший на крыльце и всматривавшийся в полумрак, удовлетворенно кивнул и, не дожидаясь внука, зашел в дом, плотно притворив за собой дверь.

Глава 3

Кигиляхи

Утром, еще не было и четырех часов, Аякчаану разбудила мама, нежно коснулась плеча, тревожно всматриваясь в лихорадочный румянец на щеках дочери.

– Ты не заболела?

Аякчаана только мотнула головой. У нее уже все было готово. Ловко натянув теплые шерстяные носки поверх хлопчатобумажных, заправив в них термобелье, она быстро запрыгнула в лыжный костюм, застегнула зимние ботинки, нахлобучила шапку и, уже выходя из комнаты, подхватила пару мягких перчаток.

На миг она замерла перед открытой дверью. Ей хотелось запомнить этот момент. Ведь сегодня она придет к Каменным людям и, конечно, уже не вернется сюда прежней. Старики говорят, Кигиляхи меняют людей раз и навсегда. Поэтому и почитаются заветные места.

От ожидания перемен тревожно сосало под ложечкой, заставляло кровь быстрее мчаться по венам. Гордость, что дед выбрал ее, что доверился, что берет с собой, как большую, как наследницу своего дара, захлестывала с головой и оглушала. В теплом полумраке сонного дома малиновые блики разгорающегося дня бросали длинные любопытные тени на пол. Аякчаана перешагивала через них, торопливо спускаясь вниз.

Она ожидала, что дедушка уже готов и ждет ее внизу. Однако коридор оказался пуст.

Она постучала в его комнату. Тишина. Никто не ответил.

Из кухни выглянула мама и поманила ее пальцем. Аякчаана направилась к ней:

– А где дедушка?

Нос уловил пряный аромат запеченного козьего сыра и молока.

– Он еще в полночь ушел к реке и пока не вернулся. Сказал только перед уходом, чтобы я тебя разбудила и собрала.

– Да я уже собралась вроде, – пожала плечами Аякчаана.

– Шапку с курткой сними, поешь нормально. – Мама поставила перед ней дымящуюся тарелку с молочной кашей и придвинула легкий рюкзак. – Я вам чая налила в термос и немного еды собрала. Сыр – вот здесь. Дедушку покормишь, не забывай, что ты хозяйка...

Мама была встревожена их предстоящим путешествием, и Аякчаана попыталась ее успокоить. Она привстала с табурета, привлекла ее к себе и крепко обняла за талию, уткнувшись в теплый халат носом.

– Не бойся, мам, мы быстро: туда и обратно. Завтра утром уже дома будем, наверное. – Кстати, она только сейчас поняла, что не спросила у бабушки, как долго будет продолжаться их вылазка в заветное место. – Ты даже соскучиться не успеешь.

Мама тихо засмеялась:

– Я уже соскучилась... – и чмокнула дочь в макушку.

В окно постучали: бабушка.

– Пора! – Аякчаана еще раз порывисто прижалась к матери, чмокнула ее в щеку и, схватив рюкзак, заторопилась к выходу.

Медленно выдохнув, чтобы выровнять дыхание, Аякчаана открыла дверь и вышла на крыльцо. Вечерний туман за ночь осел на траву хрусткими ледяными иголками, припорошил глинистую землю. Полынь и бурьян, что росли у забора, склонили головы, словно в поклоне надвигающимся холодам. Их горбатые спины, переплетенные стебли, укутанные тонким покрывалом инея, походили теперь на кружево.

Кружево, из которого зима, как истинная царица этих мест, совсем скоро сошьет огромное белоснежное покрывало.

Бабушка стоял у калитки в унтах, оленьем тулупе и большой меховой шапке. Словно он не в однодневную поездку на вертолете собрался, а на зимовку в тайгу...

– Бабушка, – засомневалась Аякчаана, – а тебе удобно так будет?

Бабушка кивнул и, поманив ее рукой, повел к реке.

Из слабо освещенного окна маленькой кухни им вслед смотрела мама. Но Аякчаана уже не думала о доме. Все ее мысли поглотило предстоящее путешествие.

Девчонки в классе обзавидуются!

Никто из них не летал на вертолете.

Никто из них не видел океана!

Никто из них не видел Каменных людей!

Она хотела задать дедушке сотню вопросов, но смотрела в его спину и не решалась. Крутой спуск к реке, галька убегает из-под ног, ветер пробирается под куртку, щиплет щеки. Хрупкие льдинки пристали к берегу, затихли ледяной слюдой у кромки. Под ними – желтые камни и пропитанная сыростью хвоя. От воды поднимается тонкий пар, путается в лопастях красного вертолета.

Забравшись в его жарко натопленный салон, пахнувший соляжкой и кофе (пилот с наслаждением потягивал густую ароматную жидкость из узкого термоса), Аякчаана заволновалась. Конструкция летательного аппарата ей показалась слишком хлипкой и ненадежной. Словно прочитав ее мысли, пилот – а им оказался молодой зеленоглазый парень с веснушками на курносом лице – широко улыбнулся и отчетливо, чтобы перекрыть рев двигателей, проорал:

– Не бойся, красавица, машина – зверь! Домчит тебя с твоим дедушкой в один миг! – Потом подумал и добавил, растопылив пальцы: – В два мига! Максимум – в три! – и он задорно захохотал.

Рядом, кряхтя, уселся дедушка, с шумом задвинув за собой дверь вертолета, сразу отрезав от их воздушного дома промозглую речную сырость, и машина стала медленно набирать высоту.

В синеве наступающего утра земля, качаясь и подпрыгивая, стала стремительно удаляться. Аякчаана, прильнув щекой к толстому стеклу иллюминатора и затаив дыхание, смотрела, как тает в дымке родной поселок, как едва заметные звездочки уличных фонарей окончательно заволгло туманом, спрятав их от посторонних глаз.

Ее саму с оглушительным ревом увлекало в неведомую даль, сквозь туман, облака и тающие звезды.

– А долго нам лететь? – спросила она у задремавшего было деда.

Тот показал ей три пальца и снова закрыл глаза.

Она пересела ближе к пилоту, крикнула ему:

– А сколько конкретно нам лететь?

Парень кивнул, потом до Аякчааны донеслось:

– Сейчас, – перекрывая рев лопастей и двигателя, кричал белобрысый летчик, – минут сорок, и будем в Тикси...[3 - Тикси – самый северный город в Республике Саха (Якутия) на побережье Северного Ледовитого океана, крупный северный порт России.] быстренько заберем там почту... груз кое-какой... и, – он махнул рукой вперед в неопределенном направлении, – через море Лаптевых двинем на Большой Ляховский![4 - Большой Ляховский – один из крупнейших островов в группе островов Новосибирского архипелага, открыт в 1712 году Я. Пермяковым и М. Вагиным. Названы в честь купца Ивана Ляхова, впервые упомянувшего остров в своих отчетах и занимавшегося там промыслом мамонтовой кости. На северной оконечности данного острова и расположена группа останцев (древних скал), получивших название Кигиляхи – «каменные люди».]

Аякчаана взглянула на деда. Тот, плотно закутавшись в тулуп и надвинув лохматую шапку на глаза, крепко спал.

Девочка же не могла сомкнуть глаз. Она посмотрела вниз.

Перед ней без конца и без края простиралась дремучая тайга: высокие сосны и редкие ели поблекли, ожидая первых морозов, звериные тропы покрылись легким сентябрьским инеем, а невысокие сопки, словно спины задремавших великанов, покачивались в неверном утреннем свете. Природа будто забыла о своем многообразии и многоцветии в этот час, отдав предпочтение благородным серо-голубым тонам: небо, иней – все сливалось. И рядом со всем этим спокойным великолепием царицей цариц плыла бескрайняя Лена. Она огибала сопки, тонкими ручьями заглядывала в отдаленные уголки тайги, словно говоря пришедшему человеку «Мое! Это все мое!» Да и не спорил никто. Здесь они с тайгой хозяйки. Ими – рекой да тайгой – кормятся, греются и спасаются.

Аякчаана пыталась запомнить каждый изгиб величественной реки, каждый ее рукав, вглядываясь в темноту под ногами. И увидела... синий лед. Прозрачный как слеза. Гладкий как зеркало. А где-то под многометровой его толщиной важно проплывают чьи-то тени, блестящая чешуйчатая спина... Лед надламывается, и Аякчаана проваливается под него, в эту оглушительную тишину...

Тишину?..

Стоп!

Действительно, тишина! Путаясь в ней, будто в шелковом покрывале, она засучила ногами, взмахнула руками. И сквозь тонкую пелену услышала свое имя, почувствовала чье-то легкое прикосновение:

– Аякчаана, приехали!

Как приехали? Она распахнула глаза, смахивая с ресниц остатки дремоты. Как она могла заснуть! Неужели все пропустила?! А посадка в Тикси?

Молодой парень-пилот вытягивал из вертолета чью-то сумку грязно-вишневого цвета и улыбался, поглядывая на ее растерянное лицо:

– Ну, как долетела, красавица?

Аякчаана покраснела до кончиков волос и взглянула на деда:

– Мы что, уже на месте?

– Ну да, я ж тебе о том и говорю, – дедушка тоже улыбался, – прилетели мы, давай выбирать, нам еще пешком идти...

– И как я не заметила ни посадки, ни взлета? – Девочка с трудом выбиралась из-за необъятных тюков, все еще сомневаясь – не разыгрывают ли ее.

– Да я ж говорил, – широко улыбнулся пилот, – мы в Тикси только на минутку залетели, даже винты не останавливали, почту загрузили для станции – и вперед! Ты, красавица, посапывала как младенец.

Дедушка тем временем уже заметно сердился: дорога и в самом деле предстояла неблизкая, а внучкины расспросы задерживали их.

– Аякчаана! – насупил он брови. – Ты скоро?

Внучка заторопилась, быстро выскочила из вертолета, на ходу махнув пилоту рукой, поправила на плечах рюкзак и в несколько прыжков догнала деда.

– Не сердись! Мне все не верится, что мы уже здесь, – виновато улыбнулась она и, чтобы окончательно задобрить деда, спросила: – Ты мне расскажешь об этих местах?

Дедушка задумался. Казалось, он проговаривал про себя то, что собирался сказать внучке. И точно – заговорил он будто по писаному, тщательно выбирая слова, что, конечно, не ускользнуло от внимания Аякчааны.

– Это заповедные для нас места, – так начал Учур, – раньше сюда вообще только шаманы ходили, и то раз в год, на исходе зимы, чтобы призвать лето... Но потом в эти места пришла цивилизация, здесь открыли полярную станцию, и появились люди, далекие от наших традиций и обычаев. Они ходили, исследовали горы, делали снимки, карты и чертежи, пытались измерить то, что вычислению не подлежит...

– Что, например?

– Например, силу этих мест. – Дед Учур усмехнулся. – Вот можно измерить силу улыбки ребенка, увидевшего свою мать? А силу материнской любви можно свести к количеству паскалей или чего там еще? Килограммов? А, как думаешь, внучка?

– Нет, конечно...

– Ну, вот и силу этих мест измерить нельзя. Сколько ни пытайся.

Аякчаана прислушалась: океан ворчливо вторил деду, шептал, ударяясь волнами о камни. Здесь уже вовсю хозяйничала зима. Она явственно чувствовалась в притихших и побелевших от заморозков камнях, прибитом мхе, по которому,

будто ледяной великан, уже ступил старик-мороз. Деревянные перила на спуске к вертолетной площадке покрылись прозрачной коркой, а океан, на сколько хватало взгляда, набух и потемнел.

– А что за сила здесь укрывается? – Аякчаана догнала дедушку, пошла рядом с ним.

Дедушка помолчал. Постепенно его шаги стали неторопливы и размеренны. Он шел, заметно наслаждаясь прогулкой, получая удовольствие от каждого шага, а движения его становились все увереннее и сильнее, словно он ежеминутно становился моложе.

– Отцы говорили, – начал он, – что в этих местах сокрыта большая тайна. Тайна не только нашей земли, но и многих народов. Что спрятана она где-то там, в недрах острова. И хранят ее Кигиляхи, Каменные люди. И открыта тайна может быть только единицам.

– Кому, например? Шаманам?

– Не обязательно, – покачал головой Учур. – Это могут быть совершенно разные люди. Кигиляхи сами решают, кто это будет и когда.

Сердце у нее вдруг заколотилось, часто-часто забилося в груди. Он сказал, тайна может открыться любому. Любому. Значит, и ей!

– А что именно это за тайна? О чем она? – Девочка придвинулась к деду, чтобы ненароком не прослушать главного.

Тот покачал головой:

– Мне это неизвестно... Хотя я не раз просил об этом предков, но... видно, не в их это власти.

Тем временем тропинка уводила их все дальше от вертолета. Редкая чахлая растительность вскоре вовсе исчезла. Тропа завершилась непродолжительным и некрутым подъемом, и вот перед Аякчааной показалась выстроившаяся на голой каменистой равнине гряда – цепь гранитных скал, начало которых утопало в

океане.

– Кигиляхи, – прошептала Аякчаана, задыхаясь от волнения, от предвкушения чего-то необычайного.

– Дальше ты пойдешь сама, – донесся до нее голос деда.

– Что? – Девочка остановилась, будто сама окаменела.

Дед только покачал головой.

– Каменные люди выбрали тебя. – Он положил ей руки на плечи. – Я же говорил тебе, что Кигиляхи сами решают, кому и когда открыть свою тайну, показать свою силу. И они выбрали тебя.

– Дедушка, – Аякчаана убрала со лба так некстати вылезшую из-под шапки прядь волос, – ты что-то путаешь. Ты помнишь, мы приехали сюда, чтобы сделать обряд для тех людей из Якутска. У них выборы на носу. Им нужна помощь. Ты все-таки шаман. Нам дали вертолет. Я должна тебя сопроводить сюда... И все...

– Мне был сон, – задумчиво произнес Учур. – В нем Кигиляхи велели сегодня привезти тебя к ним. Я их спросил, как я успею, ведь мы живем далеко. На что они ответили, что будут люди, которые помогут. И они доставят тебя сюда в срок. И люди появились. Все как было предречено. Так что это я тебя сопровождаю, а не ты меня. – Он улыбнулся, но, заметив тень сомнения в глазах внучки, снова стал серьезен. – Слушай и запоминай. Ты пойдешь по этой дороге до Первого стража. Он укажет тебе путь дальше. А я тебя буду ждать здесь...

Аякчаана внимательно посмотрела на неровные зубчатые возвышенности вдаль.

– И вот что, внучка. Будь осторожна и внимательна. Кигиляхи вызвали тебя, но им и в голову не придет позаботиться о твоей безопасности... Если я буду нужен, просто подумай обо мне. Представь, как я сижу здесь, на тропе, и пью горячий чай из термоса. – Он опустил на камни, сел по-турецки. Лукаво посмотрел на внучкин рюкзак.

Та ахнула, вспомнив про еду, сбросила поклажу с плеч и застыла в нерешительности.

– Зачем я им, дедушка? Ведь я ничего не умею...

Учур посмотрел вдаль, на мрачные гранитные силуэты великанов.

– Я тоже об этом спрашивал. Почему не я? Почему ребенок?

– И что тебе ответили?

Дедушка пожал плечами:

– Копьё Маары мне не подчинится, так сказали духи... – Он помедлил, словно решая, стоит ли продолжать. Положил ладони на плечи внучки, проговорил: – Аякчаана. Ты старшая в роду. Ты станешь наследницей моего дара, о том решил уже давно. Пусть это станет твоим первым уроком. И помни: все, что рядом с тобой, – живое. Все, чего касается солнечный свет, – дышит.

– Я знаю, дедушка Учур. – Аякчаана кивала испуганно, сердце заходило от волнения, коленки подкашивались. А темные глаза деда все приближались, завораживая и отпечатываясь в памяти.

– Человек силен сознанием того, что он не один. Когда не знаешь, как поступить, – спрашивай у камня. У реки. У ветра. И найдешь ответ.

Аякчаана подняла глаза:

– Дедушка, а вдруг я не справлюсь?

– Справишься. Я верю в тебя, как в продолжение самого себя.

– А что это такое – копьё Маары? Оружие?

Учур задумчиво пожал плечами.

– Они сказали, что проведут тебя к нему. Может, это и есть их тайна? – Он помолчал и повелительно взмахнул рукой: – Все! Иди! Солнце уже высоко, ты можешь опоздать.

Аякчаана сделала несколько неуверенных шагов вперед по направлению к тающей в мутной дымке каменной гряде и обернулась:

– Дедушка, ты меня будешь ждать здесь?

Учур кивнул, указав пальцем в землю под своими ногами:

– Не сдвинусь с этого места, пока ты не вернешься.

Аякчаана кивнула, наблюдая, как дед устраивается, как привычно тянется за трубкой, торопливо придвинула рюкзак с продуктами поближе к деду.

– Тогда оставь это себе, – крикнула она, убегая, и быстро, чтобы не слышать его возражений, умчалась вниз по склону.

Голос шамана еще доносился до нее какое-то время, но по мере приближения к каменным великанам время словно останавливалось и она все глубже погружалась в молочно-белую синеву тумана.

Глава 4

Разрушенный храм

Аякчаана шла не оборачиваясь, и чем больше она приближалась к Кигиляхам, тем плотнее становился туман. Он поднимался с моря, карабкался по рябым камням, струился меж безжизненных стеблей.

Иногда казалось, что он поднимался словно великан – во весь рост, приглядываясь к девочке. И тогда – она готова была поклясться, что это так – она видела в его клубящейся глубине живые и настороженные глаза.

И вот уже она оказалась окутана туманом. Каждый шаг – будто по облакам, лишь хруст промерзшего мха под тонким снежным покровом напоминал, что она все еще на земле. Сизые языки любопытно касались сзади ее лодыжек, дотрагивались до локтей, обгоняли и заглядывали в глаза.

С каждым шагом становилось все тревожнее.

Аякчаана остановилась и посмотрела назад, надеясь увидеть тропу и сидящего на ней деда Учуре. Но ее окружал только туман.

– Итак, – напомнила она себе, чтобы успокоиться, – дедушка сказал, что Первый страж укажет мне путь. Интересно, что он имел в виду... Вот этот здоровый истукан похож на стража, чего уж там говорить. Дрыхнет себе потихоньку не одну тысячу лет и в ус не дует. – Девочка поравнялась с первым Каменным человеком.

В самом деле, это было изваяние, напоминавшее уснувшего сидя человека. Будто устал он, продрог на своем посту. Присел на минутку, закутался плотным плащом, надвинул шапку на глаза и сам не заметил, как задремал.

Девочка осторожно поравнялась с великаном, пригляделась к нему с опаской и с облегчением выдохнула – ничего. Безмолвный холодный гранит. Для верности она ткнула его пальцем.

Где-то на берегу с шумом обвалились в океан куски земли. Глухой всплеск прокатился над долиной железным снарядом, напугал. Эхо живым раскатом пронеслось над головами истуканов, утробно прошелестело у ног, спугнув тянувшиеся из-под земли струйки тумана.

– А чего я ждала? – себе под нос бормотала Аякчаана. – Подойду к камням, а они оживут, и прямо со мной заговорят, и выложат все свои секреты? Знак дадут... Да уж, чудачка я, – вздохнула девочка и шагнула дальше.

Что-то изменилось вокруг. Туман съедал все звуки, плотно ложился на плечи, сжимаясь вокруг гостыи кольцом. Шелест простуженных камней, скрип снега, собственное дыхание... И что-то еще, шедшее из-под земли. Рокот. Вздохи. Раздраженные голоса.

Еще раз оглядевшись кругом, поеживаясь от жутковатых звуков, она обошла вокруг сидящего «стража».

Неожиданный шорох заставил ее вздрогнуть. Сотни мелких камней и гранитный песок посыпались ей на голову сверху, с каменной шапки великана, будто тот пошевелился. Ой! Аякчаана отпрыгнула в сторону и потерла затылок.

И только тут она увидела голубоватый блик. Тонкий, едва заметный, он как солнечный зайчик метался в легком тумане у ног Каменного человека. Туман преломлял его свет, заставлял скользить с камня на камень. Он будто звал ее за собой.

Вглубь каменной гряды.

Аякчаана шагнула за ним.

Ее окружили обтесанные ветром и водой камни, гигантские – метров пятнадцать-двадцать в высоту – столбы, уложенные друг на друга массивные плиты. Она поймала себя на мысли, что идет между ними словно по улицам древнего разрушенного города, упираясь то тут, то там в многочисленные тупики, проходя по небольшим глухим площадям. И, как это обычно бывает в городах, она постоянно ощущала чье-то присутствие, чей-то внимательный и настороженный взгляд.

Аякчаана представила, как здесь кипела бы жизнь много-много веков назад, если бы это был действительно город, а не нагромождение камней. Она продолжала идти вперед, всю фантазируя и любуясь выдуманной красотой необычных «балконов», грубоватых «фронтонов» и массивных «колоннад», украшенных «рунами» – глубокими письменами, оставленными ледяным ветром... Когда-то массивная гряда сегодня почти рассыпалась до основания. Остались только выеденные временем столбы, напоминавшие замершие человеческие фигуры: вот мрачный мужчина опирается на посох, вот юная дева склонилась к ручью. И везде, словно солнечные блики на морской поверхности, ее сопровождали странные синеватые всполохи.

Продолжая чувствовать настороженные взгляды, Аякчаана дошла до центра загадочного места, провожаемая тихим рокотом обваливающихся камней, и оказалась на пяточке возле строения, напоминавшего своими высокими

отвесными плитами, источенными соленым ветром, древний храм: шесть мегалитов смыкались вершинами. На них, словно нахлобученная шапка, – седьмой. Шершавая поверхность, красно-бурые вкрапления слюды. Вода, стекая веками по ним, оставила за собой ржавые неровные потеки, словно невидимый скульптор нанес причудливый узор.

Скользивший перед девочкой голубой блик прыгнул на каменную стену и рассыпался фейерверком огней. В одно мгновение строение осветилось миллионами золотых всполохов, а между теснившимися друг к другу мегалитами обнаружился проход. Аякчаана, помедлив, осторожно заглянула внутрь. Она увидела небольшое, примерно десяти метров в диаметре, почти круглое пространство. Все вокруг было залито ярким сине-голубым светом. Он струился по стенам, отражаясь в прозрачных, покрытых коркой тонкого льда лужах, и уходил куда-то вниз, в щель между камнями, в ункур[5 - Ункур (унгур) – широко распространенный тюркский термин: пещера, щель в скалах, яма, глубокая теснина, лог, провал.].

Здесь было тепло, дышалось намного легче, чем снаружи, не было неприятного чувства слежки, и вообще Аякчаане здесь нравилось. И было очень любопытно, что это за место такое и куда ведет эта непонятная щель.

Шаг за шагом она подошла к ункуру. Яркие огоньки сбежали со стен и теперь играли у ее ног. Они текли ручейком, то поднимаясь вверх и снова запрыгивая на стены, то скользя по дну неглубоких весенних луж, будто показывая гостю дорогу и забывая, что Аякчаана – человек и ей не стоит наступать в ледяную воду. Мелкие камешки струились и плясали возле щели. Вот куда они ее зовут? Пусть даже не надеются – ей хватит ума не лезть в этот ункур. Дедушка про него ничего не говорил. Да и кто знает, что там внизу: тоннель, ведущий неизвестно куда, пещера глубиной с Марианскую впадину или что похуже.

Но камешки не сдавались. Их серебристый шелест, похожий на песню, окружал Аякчаану. И вот она сама не заметила, как стала подпевать и кивать в такт и, забыв об осторожности, следовала за куда-то ведущими ее огоньками и камешками.

Голубые блики вдруг куда-то побежали. Аякчаана – за ними. Она успела подумать, что девчонки в классе обзавидуются, узнав, что она такое видела, как нога поскользнулась на льду, а сама Аякчаана, упав на спину, стремительно покатила куда-то вниз – словно по склону горы.

Страх, перехвативший дыхание, боль в копчике и сорванных ладонях.

– Помогите! – крикнула девочка, когда наконец смогла кричать. Но падение уже прекратилось, а на помощь ей прийти никто не спешил.

Ярко-голубое свечение исчезло так же внезапно, как и появилось. Никаких камней рядом не было. Аякчаана с ужасом осознала, что она все-таки свалилась в ункур и теперь, похоже, находится в одной из подземных пещер, расположенных под Кигиляхами, окруженная кромешной тьмой и могильной тишиной. И не имеет ни малейшего представления, куда идти дальше.

Ее клокочущее дыхание, биение собственного сердца и скрип лыжного костюма – вот и все звуки, что доносились до нее.

Растопырив руки и стараясь не поворачиваться всем корпусом, чтобы хотя бы не перепутать направление, откуда она упала, девушка встала на колени и качнулась влево-вправо – пальцы не коснулись стен. Она прикинула длину собственных рук, добавила ширину грудной клетки и накинула по десятку сантиметров в каждую сторону. Ширина пещеры получилась примерно два метра. Тогда она осторожно встала и подняла руки вверх, попыталась приподняться на цыпочках – проверить, насколько высок свод. Так и есть – пальцы не нащупали камень.

В то же время, судя по акустике, она находилась не в огромном зале. Всё-таки это больше напоминало какой-то ход, лаз. Может быть, это тоннель? В темноте органы осязания работали с утроенной силой, Аякчаана чувствовала, что свободное пространство находится впереди нее и за ней. Но двинуться вперед, сделать хоть один маленький шаг было невероятно страшно: вдруг она остановилась на краю пропасти и, сделав шаг, провалится в нее? Как там дедушка говорил: быть особенно осторожной, Каменным людям и в голову не придет заботиться о ее безопасности. Ну что ж... Аякчаана слушала советы деда, да, видно, не услышала вовремя...

«Фонарик бы...» – с сожалением подумала она.

Он был взят с собой в путешествие. Но остался в рюкзаке с продуктами. Эх, может, об этом кричал ей дедушка, но она была слишком занята собой, убегая

навстречу Кигиляхам? Как теперь быть?

Вдруг она вспомнила о мобильном – там же есть маленький фонарик. Хотя, конечно, батарейки на много не хватит, но хоть оглядеться...

Она похлопала себя по карманам и почувствовала маленький прямоугольник в одном из них. Расстегнув дрожащими от волнения пальцами молнию на кармане, она достала телефон и нажала кнопку. Ярко-синий экран выхватил из темноты ее счастливое лицо: работает! Хотя связи и нет...

По-прежнему не меняя направление стоп, словно приклеенная к полу, Аякчаана быстро посветила экраном вокруг. Темные сырые стены. Два хода, ведущие влево и вправо. Получается, синее свечение оставило ее на перекрестке. Хорошо, что она все-таки умница и не вертелась в темноте! А то бы точно не сообразила, откуда пришла и куда надо держать путь дальше! Она посмотрела вверх – грубо обтесанный свод. Взгляд скользнул вниз, под ноги, и уперся в довольно ровный пол, без видимых ям и трещин. Все выглядело более-менее безопасно, если не считать того, что она не знает, как отсюда выбраться. Впрочем, самое простое – развернуться и пойти обратно. Хорошо, если там, позади, не было никаких ответвлений. Тогда можно быстро найти дорогу обратно.

Аякчаана уже собралась было повернуть назад, как то ли почувствовала, то ли услышала движение слева.

Показалось?

Аякчаана, затаив дыхание, замерла.

Нет, это не просто движение. Это тайфун какой-то! Грохот, топот, нарастающий шелест камней: что-то стремительно приближалось. Между тем в левом рукаве тоннеля мелькнул ярко-голубой огонек – не то солнечный блик, не то звериный глаз. Не успев сообразить, что делать и куда бежать, Аякчаана растерянно шагнула навстречу звуку, огонек мелькнул совсем рядом, и в тот же момент девочка оказалась сбита с ног.

Оглушительный грохот, стон. Аякчаану отбросило на камни. Тупая боль в плече и груди.

Мгновение она лежала на холодном камне, пытаясь унять колотящееся сердце и прислушиваясь: кто-то охал и копошился рядом. Девочка сообразила, что выронила сотовый, когда падала, пошарила поблизости, но чуда не случилось – телефона рядом не оказалось.

– Эй! Кто здесь? – наконец жалобно подала она голос.

Понятно, ей могли и не ответить, просто молча сожрать, и всё. Если, конечно, то, что в нее врезалось, питается костлявыми девочками в синтетических лыжных костюмах.

– Черт, – простонали из темноты.

Голос девчоночий. Значит, скорее всего, обедать ею не будут. Это была хорошая новость! Аякчаана осторожно села, придерживая голову, будто опасаясь ее потерять.

– Ты где? – позвала она.

– Ты кто? – ответил ей такой же испуганный голос.

Невидимая незнакомка тем временем, судя по звуку, тоже села: в паре метров от нее прошелестело. Осторожные скользящие касания по камням – незнакомка что-то искала. Аякчаана последовала ее примеру – попробовала нащупать мобильник. Он бы прояснил обстановку быстрее.

И почти одновременно вспыхнуло два голубых огонька – экран сотового телефона Аякчааны и яркий свет на конце длинного серебристого шеста, с которым, видимо, шла незнакомка.

– Ты кто такая? – спросила та требовательно.

Девочка была явно старше Аякчааны, но не намного. На вид ей было около пятнадцати лет. Пронзительный взгляд, светлые прямые волосы заплетены в короткие косички, льняная рубашка без ворота, простой заплечный мешок, в каком Аякчаана обычно носит сменную обувь в школу. Только здесь он был из грубой ткани.

– Я Аякчаана Тимофеева, – отозвалась внучка шамана.

Незнакомка оторопело подалась вперед, переспросила:

– Как? Как, говоришь, тебя зовут?

– Аякчаана Тимофеева. – Девочка постаралась повторить разборчивее. – Я не здесь живу, я из села Кюсюр...[6 - Кюсюр – центр и единственный населенный пункт Булунского эвенкийского национального наслега (сельского поселения) в Булунском улусе.] А ты кто?

Светловолосая окинула взглядом лыжный костюм Аякчааны, теплую меховую шапку, задумчиво отозвалась:

– Меня Катя зовут, Катя Мирошкина, я из Красноярска... А как ты здесь оказалась?

Катя выглядела озабоченной, даже расстроенной немного, и Аякчаана ее решила успокоить – возможно, ее новая знакомая приехала к кому-то в гости на полярную станцию, пошла гулять к Кигиляхам, да и заблудилась.

– Я сюда с дедушкой прилетела, на большом вертолете. Дедушка нам обязательно поможет. Он меня там остался ждать, около Кигиляхов...

Незнакомка прищурилась.

– Около чего? – опять не поняла.

– Кигиляхов, это Каменные люди по-нашему, священное место, особое, – гордо пояснила Аякчаана, но, посмотрев на почти испуганное лицо Кати, добавила: – Ты не бойся, мы сейчас найдем дорогу назад, все дедушке расскажем, и он что-нибудь придумает. Ты вообще здесь как оказалась? А может, тебе тоже Кигиляхи велели прийти?

– Мне? – Катя пожала плечами, удивленно огляделась по сторонам. – Нет. Я вообще-то думала, что сейчас дома окажусь.

Она неопределенно махнула рукой.

– Слушай, – Аякчаана чувствовала, что новой знакомой нужна поддержка, больно расстроенной она выглядела, – ты, наверно, к кому-нибудь с полярной станции приехала, да? Пошла посмотреть Кигиляхи и заблудилась, как и я! Да? И тоже, наверно, как и я, упала в щель между валунами, верно?

Катя посмотрела на нее внимательно, отрицательно мотнула головой. Потом указала подбородком на стены вокруг и спросила:

– А это что, пещера?

Разговор получался какой-то странный. Словно слепой и глухой встретились и пытаются представиться друг другу. Так, во всяком случае, подумала Аякчаана.

– Вроде того. – Грустно вздохнув, она кивнула через плечо: – Надо к дедушке возвращаться, заблудились мы.

Катя между тем начала приходить в себя. Она тщательно осмотрела одежду, в которую была одета Аякчаана, ее мобильник.

– Сейчас год какой? – спросила она, прищурившись.

– 2015, конечно. – У Аякчааны даже брови поднялись от удивления.

– А день?

– Второе сентября...

При этих словах у Кати брови поползли вверх.

– Как второе сентября? Ты ничего не путаешь?

– Я ж не сумасшедшая... – Аякчаана встала.

– А отчего на тебе одежда зимняя? – удивилась Катя.

– Так холодно же... сентябрь. Здесь все-таки север.

– Что значит «север»? – опять не поняла Катя.

– Север то и значит – север. – Аякчаана начала чувствовать себя сумасшедшей. – Якутия! Снег! Полюс хо?лода! Слыхала про такое?!

– Якутия?! – прошептала Катя и растерянно потеряла переносицу. – Почему Якутия?.. Ничего не понимаю. Я должна была встретиться с мамой. Я же ее нашла...

Она покинула подвал в Александрии пару мгновений назад. Взмахнув посохом, оказалась в красивом зале с высокими сводами и клубящимся по стенам мороком – иссиня-черным и будто живым. Она была уверена, что это дом. Пошла по единственному коридору, выходявшему из зала. Потом побежала, надеясь скорее встретиться с мамой.

«Встретилась», – с горечью отметила Катя.

Аякчаана ничего о надеждах Кати не знала, потому смотрела на нее с опаской и удивлением и уже не знала, что ответить.

– Якутия, Якутия. А ты что ожидала увидеть?

Катя потрогала ушибленный лоб, растерянно поправила волосы, повертела в руках свою серебристую палку. Все это она проделала, не проронив ни слова.

– Ну уж точно не Якутию и точно не второе сентября 2015 года, – наконец прошептала она. – И что мне теперь здесь делать?

«Ясно. Ненормальная!» – заключила Аякчаана, но вслух говорить не стала. Не хотелось расстраивать несчастного человека. Вместо этого она поторопила новую знакомую:

– Идём к выходу скорее, дедушка нам непременно поможет. Он знаешь какой умный! – И тут Аякчаана растерянно огляделась. – Вот только я сообразить не

могу, откуда я пришла...

– Оттуда. – Катя уверенно показала ей рукой в направлении одного из проходов.

Аякчаана с сомнением посмотрела в темноту.

– С чего это ты взяла?

Катя пожала плечами:

– Это же очевидно. Я выбежала из того коридора. – Она махнула рукой в темнеющий провал рядом. – Ты говоришь, что пришла... упала... с поверхности, значит, тебе надо идти вверх. Вверх ведет только одна тропа. Эта.

– А с чего ты решила, что ты пришла именно с той стороны? – Самоуверенность незнакомой девочки начала выводить ее из себя.

– Я шла по коридору, сделанному человеком, там были обработанные стены, облицованные кирпичом. – Катя махнула рукой назад, на каменные стены тоннеля, из которого появилась. – А твой тоннель – дело рук природы или очень неумелого мастера. Здесь стены видишь какие – дикие совсем.

Аякчаана не поверила. Сделав пару шагов внутрь коридора, из которого, как утверждала незнакомка, та выбежала, она посветила телефоном на стены. В самом деле, выложены кирпичом. Причем каким-то диковинным, гладким и матовым, темно-зеленым. По сравнению с ним ее часть тоннеля выглядела действительно дико.

– Так что поворачивай и шагай к своему дедушке, – скомандовала Катя, вставая и направляясь к своему тоннелю.

– А ты? Здесь, что ли, останешься?

– С чего бы это? Я пойду туда, куда мне надо. Поняла? – и Катя, подхватив свою палку, бодро скрылась в продолжении своего коридора. За ней, подпрыгивая в такт ее походке, тающей змейкой струился голубовато-синий свет.

– Стой! – закричала Аякчаана.

Ей вдруг стало страшно остаться здесь, в темноте коридора, одной. Вдруг она сама не найдет дорогу назад?

И она бросилась догонять светловолосую девочку.

– Подожди!

– Чего тебе? – Катя встала, опираясь на свой серебристый посох, а над ее головой светился голубоватый шар, на который, как зачарованная, уставилась Аякчаана.

С трудом оторвала взгляд от диковинной сферы, выпалила:

– Давай вместе пойдем...

У Кати дар речи пропал.

– С чего бы это? Ты, кажется, к своему деду торопилась и каким-то кияхам...

– Кигияхам, – автоматически поправила Аякчаана, не сводя восторженных глаз с чудесного шара, и честно созналась: – Я боюсь заблудиться тут.

Катя наклонилась ближе к попутчице, так, чтобы заглянуть в ее глаза.

– То есть ты намекаешь, чтобы я тебя проводила?..

Аякчаана шумно сглотнула.

– Ну, в общем, да... – И торопливо добавила: – Видишь ли, у тебя свет! А мой мобильник вот-вот отключится, и я точно не выберусь отсюда в темноте.

Катя с сомнением покачала головой, вздохнула.

– Вот же послал морок на мою шею, – проворчала она и направилась назад, к перекрестку, на котором они столкнулись.

Аякчаана поспешила за ней, заметно повеселев.

Сперва она шла молча, постоянно поглядывая то на свою провожатую, то на шар голубого света, парящий над ее головой, то на серебристый шест. Она даже не знала, что ее больше интересует и о чем, соответственно, задать вопрос в первую очередь.

Аякчаана уже было открыла рот, чтобы спросить про шар, но тут Катя остановилась на месте их недавнего столкновения и, повернувшись к стене, наверху посоха нанесла на ней знак: ромб, внутри него – крест, выходящий лучами за стороны ромба. Символ мгновенно засиял голубовато-синим, отделился от стены. Странная девчонка рукой подтолкнула его к проходу, откуда они только что вышли, – знак послушно повис под потолком.

Аякчаана восхищенно выдохнула:

– Это что?

– Это? – Катя взглянула на светящийся знак. – Это звезда Сварога. Оберег, указывающий путь. Он, как ты можешь догадаться, не позволит мне заблудиться и поможет найти дорогу назад.

– А-а, – протянула Аякчаана и присмотрелась к новой знакомой внимательнее. – Катя, слушай, а ты вообще кто?

Девушка нахмурилась и ничего не ответила. Они достигли очередной развилки, теперь обе дороги уходили вверх, и было совершенно не ясно, какой из них следовать. Катя потеряла друг о друга ладони. В руках у нее появился махонький огненный шар, который она, словно волейбольный мяч, запустила в глубину одного из коридоров. Оставляя за собой дымчатый след, шар исчез во мраке.

– Ого! Так даже мой дедушка не умеет! – прошептала Аякчаана.

Катя рассеянно вздохнула, покосилась на нее снисходительно:

– Да? А кто твой дедушка? Он маг, волшебник, иллюзионист?

– Он эвенк, шаман. Учур-хан его зовут.

– Шаман, говоришь? – повторила Катя, все еще поглядывая в тоннель в ожидании своего огненного мяча. Не дождавшись его, развернулась к Аякчаане: – Мне вот всегда было интересно: что умеют шаманы?

– О, мой дедушка очень много чего умеет! Он может задобрить демонов, говорит с ветром, с землей, душами ушедших, и те ему рассказывают всё.

– Прямо-таки всё?

Аякчаана гордо вскинула голову:

– То, что можно знать человеку, – да.

Катя отчего-то подумала, что Енисее было бы особенно интересно пообщаться с этим дедушкойшаманом. Да и Ярослава, помнится, хотела научиться управлять стихиями, а шаманы, говорят, в этом большие мастера. Но подруг здесь, к сожалению, не было. А вот светящийся шар-светозар, дымясь и подпрыгивая, вернулся к Кате в руки. Значит, прохода там не было: шар долетел до преграды и вернулся назад. Получается, второй ход – верный, внучка шамана прошла по нему. Не задумываясь больше, Катя шагнула в левый рукав тоннеля.

Девочка в лыжном костюме – за ней.

– Так зачем вы приехали в эти места? – из вежливости спросила Катя.

– Меня Кигиляхи призвали, – гордо отозвалась Аякчаана.

Катя припоминала сейчас из уроков географии, что где-то в Якутии есть мыс Кигилях. Раз мыс, значит, побережье. А раз побережье, то океана, причем не какого-нибудь, а Северного Ледовитого. Плотность населения – ноль целых ноль с половиной сотых. Или даже тысячных.

– Призвали – это как? – Катя шагала впереди, думая о своем, и спрашивала без особого интереса, скорее чтобы развеять скуку и поддержать разговор.

– Они приснились дедушке и велели ему привезти меня сюда, причем именно сегодня.

Аякчаана заметила – при этих словах девушка с серебряным посохом заинтересовалась ее словами не на шутку. Катя остановилась, пристально посмотрела в лицо девочки, словно желая удостовериться, что не ослышалась.

– Шутишь?

Аякчаана мотнула косичками:

– Да нет. Точно говорю. – Глаза круглые, испуганные, ни тени смешинки.

Катя выпрямилась, взгляд рассеянно скользнул по грубой кладке тоннеля.

– И зачем велели?

– Я толком сама не поняла... Понимаешь, об этом своем сне мне дедушка сказал уже здесь, на острове. Я не успела его толком расспросить. – Внучка шамана озадаченно закусила губу. Посмотрела виновато, будто урок не выучила. – Он сказал про сон, про то, что потребовали Кигиляхи. Я его спросила, мол, почему меня призвали, а не его. Он, я же говорила уже, шаман, знает тайны многие... – Она шумно выдохнула, сняла наконец свою шапку. Под ней Катя увидела мелкие бисеринки пота на лбу. – А я – что я? Я в седьмом классе учусь. Что с меня толку? А дедушка ответил, что Кигиляхи сказали, копьё Маары ему не подчинится. Вот.

Катю словно током ударило. Копьё Маары? Ясно, что девочка оговорилась – Мары. Но откуда якутский, или, вернее, эвенкийский шаман знает про царицу холода и смерти? Насколько она могла сообразить, у этого народа боги и духи носили совсем иные имена...

– А что за копьё Мары? – Катя решила проверить девочку – вдруг та оговорилась.

– Маары... – автоматически поправила девочка Катю и всплеснула руками: – Не знаю! Я вообще не знаю, кто она такая и что это за копье. И зачем оно, кстати, тоже не знаю... И дедушка – тоже, – добавила она, предвосхитив следующий вопрос.

– Не знаешь, говоришь, – задумчиво прошептала Катя.

А задуматься было над чем. Пройдя по левому рукаву тоннеля, они уперлись в стену. Других ходов и проходов не было, Катя была уверена. Получается, что эта девочка...

– Скажи еще раз, как тебя зовут?

– Аякчаана...

– Хорошее имя, красивое, – все так же задумчиво произнесла Катя, – а что оно означает?

Она ощупывала стену, но видела только плотную, первозданную кладку. Сейчас она вспомнила, что и стены по дороге сюда становились все более унылыми и дикими, теряя последние следы обработки.

Аякчаана заулыбалась, отозвалась с готовностью:

– Хорошенькая...

– Хорошенькая, значит, – эхом повторила Катя, все еще поглаживая холодный гранит. – Слушай теперь меня внимательно. Чего хотят от тебя Каменные люди, как ты их называешь, пока до конца непонятно. Ясно одно – отпускать они тебя не желают... Поэтому сообщаю тебе, что обратной дороги у тебя нет. Выход из пещеры закрыт, как ты сама можешь видеть. По крайней мере пока. И это плохая новость.

Аякчаана стеклянными глазами смотрела на Катю и молчала, у той даже возникли подозрения – поняла ли девочка то, что она ей сообщила. Но не повторять же по несколько раз одно и то же, поэтому Катя продолжила, но на всякий случай стала говорить медленнее:

– Но есть и хорошая. Если Кигиляхи велели привезти тебя именно сегодня и сейчас, могу предположить, что оказалась ты здесь и сейчас именно для того, чтобы встретиться со мной. Правда, пока не могу понять, почему так получилось. – Аякчаана молчала. Казалось, она окаменела. А Катя продолжила задумчиво: – Видишь ли, я была в Красноярске 18 декабря 2016 года плюс три дня, которые... Впрочем, не важно... Но сегодня по-любому должно быть 21 декабря. А ты говоришь, что сейчас 2 сентября 2015 года. То есть произошла какая-то временна?я путаница. С этим надо еще разобраться...

Она замолчала, ожидая от своей собеседницы уже хоть какой-то реакции: слез, обморока, паники, истерического хохота, битья головой о стену... Но та по-прежнему стояла как монумент. И хлопала глазами. Может, правда не поняла?..

Катя с сомнением уставилась на Аякчаану.

– Ты хоть понимаешь, о чем я тебе говорю? – наконец заинтересовалась она.

Та неопределенно мотнула головой.

– Что это значит? Поняла? Или нет?

Аякчаана снова сделала то же неясное движение.

– Я тебе не верю, – прошептала она наконец пересохшими губами.

Катю это озадачило. В самом деле, как ей доказать все сказанное? Хотя девочка вроде из семьи шамана, должна быть морально готова ко всяким чудесам, мистике и перемещениям во времени. Но одно дело знать, другое – испытать это на себе. Она помолчала, разглядывая свою нежданную подопечную и легонько барабанила пальцами по граниту.

– Да пожалуйста, – пробормотала Катя. – Не верь сколько тебе влезет! Вот здесь, – она стукнула кулаком в камень, – выход к твоему дедушке... Можешь начинать биться головой – вдруг поможет!

И тут Катю осенило, даже дыхание сперло в груди от невероятности догадки. А может, и нет никакого выхода. Что, если ее новая знакомая попала в то время,

из которого она, Катя, еще не успела выбраться? Тогда действительно не имеет значения, из какого дня эта Аякчаана сюда попала – из декабря или из сентября. А то, что попала она сюда по призыву неких Каменных людей через древний проход, только подтверждало эту догадку.

– Кстати, расскажи-ка подробнее, как именно ты попала в этот туннель. Про сон и дедушку можешь уже не повторять, это я поняла. Мне интересно, как именно ты оказалась внутри перехода.

Аякчаана, заикаясь, рассказала про Первого стража, про мегалиты, похожие на храм, ярко-синий огонь, манивший ее к себе, и про ункур, в который она свалилась.

Выслушав сбивчивый рассказ девочки, Катя поняла главное – та здесь оказалась действительно не просто так. Они должны были встретиться. И это организовали некие Каменные люди. Им, очевидно, до зарезу нужно это самое копьё Мары. Знать бы еще, что это такое...

– Ая, можно я тебя так буду называть? – спросила Катя. – Просто Аякчаана – очень непривычное имя для меня. – Девочка послушно кивнула. – Ну так вот, Ая. Выбраться отсюда самостоятельно ты не сможешь, пока не найдешь это копьё Мары. Что это за вещь такая, ты не знаешь, как и я. Но! Возможно, встретились мы с тобой тоже неслучайно, так как я знаю человека, который может пролить свет на твою загадку.

– И кто это? – с надеждой спросила Аякчаана.

Катя говорила о Енисее. Она вспомнила, как та однажды рассказывала, что ее семья служила при храме Маары. И сама она вроде как ее жрица. И – точно-точно – даже подчеркивала, что следует говорить «Маара» в знак почтения. Мара – богиня зимы и смерти, Аякчаана из Якутии, там полюс холода. Катя делала доклад в младших классах о традициях празднования Нового года и о волшебстве Деда Мороза. Так вот, повелитель холода в Якутии – Чысхаан. Она еще тогда заморочилась, выясняя, почему «хаан», а не «хан». И выходило, что традиционно удвоенная гласная в Якутии – признак особого уважения и значимости. Может ли быть Мара и Маара одним и тем же божеством? Вполне.

Забывшись, Катя часть своих размышлений проговорила вслух – внучка шамана уставилась на нее с удивлением и опаской.

– Если я все правильно понимаю, то Мара, или Маара, – это одно и то же божество, – пояснила ей Катя, – богиня холода и мороза. Холод и мороз для человека всегда означали смерть. И поэтому Мара повелевает и смертью. Так что упоминание ее Каменными людьми, живущими на краю света в вечной мерзлоте, вполне логично, как думаешь?

Аякчаана кивнула. Она все еще не до конца верила, что происходящее не сон. Поэтому тихонько, чтобы эта светловолосая девочка не видела, ущипнула себя за руку. Больно до слез... значит, не спит и это все – реальность. Между тем Катя продолжала:

– У меня есть подруга, которая знакома со всеми историями про Мару-Маару. Во всяком случае, должна быть знакома!

– Ты думаешь, пока я не найду ее копье, проход домой, к дедушке, будет закрыт?

Катя кивнула:

– Скорее всего, да. Я не очень хорошо во всем этом разбираюсь – сама только недавно начала въезжать, но, если ты принялась исполнять задание бога, тебе придется его выполнить. И копье Маары... или Мары... придется искать.

– А как мы узнаем, что это за копье? Как оно выглядит, где его искать? – чуть не плача прошептала Аякчаана.

– Ну, раз Кигиляхи сказали, что тебе оно откроется, значит, так и будет. – Катя постаралась улыбнуться как можно более убедительно, хоть про себя и отметила: «Остается только на это и надеяться».

– Вдруг твоя подруга тоже про него ничего не знает?

Вот тут Катя засмеялась вполне искренне:

– Ты просто не знаешь мою подругу! Если нам повезет, то мы ее застанем в Александрии, и тогда, возможно, твое путешествие будет недолгим...

Катя уверенно пошла назад – в зал с высокими сводами, в который ее привел посох. Она не оглядывалась – новая знакомая с необычным именем, вот так свалившаяся ей на голову, конечно, следовала за ней: похрустывание и поскрипывание лыжного костюма не оставляло никаких сомнений. Да и куда ей деваться, если и ежу понятно, что вернуться домой она сможет только с помощью Кати. А вот почему она, Катя, все никак не может добраться до своего дома – вот это совсем непонятно.

Глава 5

Бессонная ночь

В то памятное утро Сергея Александровича Ключевского разбудила жена Магда.

Еще не открывая глаз, он немного удивился. Непривычное для нее дело: уже почти десять лет прошло, как она не выходила из своей комнаты, когда он собирался на работу. Она провожала его только в том случае, если он уезжал в командировку. И то – всегда молча, отстраненно, как чужого, словно исполняя не слишком приятную обязанность.

Чужой... Сейчас он с трудом, но вспоминал еще те времена, когда она не ужинала, дожидаясь его с работы. Когда он приходил за полночь в их малогабаритную двушку на окраине Красноярска и, стараясь не гроыхать связкой ключей, едва приоткрыв дверь, уже видел ее счастливые глаза. Сейчас он совершенно не помнил, как она тогда выглядела: например, какая у нее была прическа, стройна ли она была или чуть полновата, какое платье было ее любимым. Но выражение глаз помнил до мелочей, до лучика...

И помнил, как постепенно менялись эти любимые глаза, становясь все отстраненнее и холоднее. И одновременно потихоньку растаяла теплота в отношениях с сыном, куда-то исчезло доверительное перешептывание с дочерью... Оказывается, весь его мир держался на тех счастливых глазах Магды.

Когда же они стали чужими? Неужели когда все трудности остались позади? Когда они переехали в этот дом? Он строил его для семьи, втайне, готовил сюрприз к Новому году, отказывая и себе, и им во всем, – дом, похожий на средневековый замок (в те времена, когда она смотрела на него еще счастливыми глазами, помнится, они мечтали как раз о таком).

Да, чем больше он об этом думал, тем больше соглашался с тем, что причина, как ни странно, в этом доме. Казалось, что в его квадратных метрах, арках и балкончиках растворились их любовь и семейное счастье.

Теперь у них есть огромный особняк, дорогая машина, услужливый водитель, уютная дача, частые поездки за границу.

Но он готов отдать всё это, лишь бы снова хоть на миг отразиться в тех счастливых глазах...

– Сергей, вставай. – Магда снова нетерпеливо потрясла его за плечо. – Вставай, что-то произошло...

Сергей Александрович потер лицо, слегка надавил на переносицу – верный способ быстро прогнать сон – и для верности потряс головой.

– Что случилось?

– Не знаю, но что-то случилось, – отчего-то нервничала Магда. – Звони Торопову.

И протянула ему мобильный.

Сергей Александрович не пошевелился.

– То есть ты хочешь, чтобы я поднял начальника службы безопасности в шесть часов утра только из-за того, что тебе что-то приснилось?..

Он посмотрел на жену тяжело, будто увидел ее впервые. Она съежилась и будто усохла под его взглядом. Но тут же Магда взяла себя в руки и сжала кулаки. Ее бледное острое лицо, обрамленное светлыми, а в неверном свете тусклого ночника практически белыми волосами, выглядело еще более строгим, чем

обычно.

– Не приснилось. У меня предчувствие, – отрезала она и добавила тихо, Сергей Александрович едва разобрал: – С Антоном беда...

Она кожей почувствовала, как разозлила своей просьбой мужа, как побелело от гнева его лицо, задрожали руки, представила, с каким злым, непримиримым видом он потянулся к мобильнику. Магда вздохнула: с таким лицом, наверное, убивают.

Взял только потому, что она сказала особое слово – «предчувствие».

Предчувствие Магды – это уже серьезно. Странно, но она с некоторых пор абсолютно перестала интересоваться детьми, иногда казалось, что она напрочь забывала об их существовании. Но при этом каким-то звериным волчьим чутьем угадывала, что с ними случилась беда. Сергей Александрович помнил утро, когда она вот точно так же подняла его и заставила набрать номер старшего смены охранников, чтобы проверить, добралась ли дочь до аэропорта. А дочь попала в аварию, водитель погиб на месте, и подоспевшие по звонку Сергея Александровича охранники едва успели вытащить ее из салона до того, как машина загорелась. Это потом они узнали, что авария была не случайной, что это было покушение. Но если бы не Магда и ее звериное чутье, если бы она не подняла на ноги мужа и охрану, дочь не успели бы спасти, она сгорела бы в той машине.

И вот сейчас она металась в полумраке спальни, до хруста в суставах сжимая тонкие руки. Муж поглядывал на нее, стараясь погасить раздражение.

– Алло, Степаныч, – Сергей Александрович поприветствовал человека на том конце провода, не сводя при этом внимательных глаз с фигуры жены, – извини, что в такую рань... Да... Подскажи: Антон находится в поле зрения твоих ребят? С ним все в порядке?

За этими несколькими фразами последовало молчание, которое Магде показалось вечностью. Она прекратила мерить шагами комнату, подошла вплотную к мужу, стараясь по выражению его глаз понять, предугадать, что ему докладывает начальник охраны. Понять, насколько неотвратимо горе, которое она внезапно почувствовала. Увидела. Черная, будто живая, тьма, злой и

опасный свет. Девочка-подросток, обнимающая темноту. Ослепительный посох в ее руках. И распростертое на пыльном каменном полу тело сына.

Начальник охраны что-то говорил, она едва различала обрывки фраз.

– Хорошо, держи меня в курсе. Я выезжаю...

– Что? – прошептала она треснувшим голосом, когда Сергей нажал кнопку отбоя.

Он посмотрел на нее. Бледное острое лицо, почти белые волосы убраны в гладкую прическу, и ледяная тревога во взгляде...

– Возможно, ты права. – Он опустил глаза, чтобы и его не захлестнула та тревога, что полыхнула во взгляде жены, – ему еще понадобится холодная голова. – Антон, возможно, влип в историю... ВОЗМОЖНО! – добавил он, подняв вверх указательный палец. – Степаныч говорит, что примерно в три часа ночи он взял твой «лексус» и выехал из гаража. Маячок в данный момент показывает отсутствие движения, двигатель не работает. Машина припаркована в области, в деревне... – он наморщил лоб, – Федькино, что ли... не запомнил.

Магда присела на край кровати. Сцепила пальцы в замок. Прямая спина, плотно сомкнутые губы. О том, что она не статуя, напоминала только высоко вздымающаяся при дыхании грудь.

– Но это еще ничего не значит, – он несмело протянул руку и сжал ее похолодевшую ладонь, – может, просто взял покататься мне назло... Ты же знаешь, он последние месяцы частенько выкидывает подобные штуки, и все только ради одного – позлить меня... Ты его номер набирала?

– «Вне зоны доступа». Нет, что-то случилось, надо его искать.

– Да ребята уже выехали на место. Как будут, позвонят... Не нервничай раньше времени, – проговорил он мягко, – пошли лучше чайку выпьем.

Магда его будто не слышала. Она облизнула пересохшие губы и, повернув к нему бледное лицо, прошептала:

– Понимаешь, я его не чувствую в этом мире. Но он жив, это верно. Он в беде, но даже сам еще этого не понимает.

Не говоря больше ни слова, она встала и вышла из комнаты. Через мгновение Сергей Александрович услышал, как тихо закрылась дверь ее спальни.

* * *

Ночь – лучшая помощница. Она обостряет желания, притупляет страх, она шепчет о сокровенном, приоткрывая завесу тайны. Ночь позволяет совершать то, что не может быть совершено при свете дня. Она любила ночь. Вслушивалась в ее звуки – резкие, отрывистые, вдыхала горьковатый аромат.

Ночь – это ее время.

Между деревьев скользила, не оставляя тени, темная фигура. Свободное одеяние цеплялось за сухие ветки, темные волосы сплетались с ночными красками, серебрились лунным светом. Лес затихал при появлении человека, настороженно вслушивался в дыхание чужака.

– Тш-ш-ш... – Шум шагов подхватил ночной ветер, оплел им темные стволы.

Женщина вышла на опушку, замерла.

Здесь лунный свет осветил силуэт, белые руки с изящными запястьями, украшенными браслетами из грубой кожи.

Лесная гостья окинула взглядом поляну.

Носком изящного сапожка сделала ямку в рыхлой земле.

Поймав лунный свет, намотала его на руку, отвела в сторону и закрепила подобно веревке на ближайшей ветви. Теперь ее окружала плотная, осязаемая тьма, пропитанная настороженными звуками леса и чужой охоты. За ветвями мрачного кустарника мелькали чьи-то зеленые глаза, сверкали клыки, чувствовалось осторожное дыхание. Но ни один лесной обитатель не рискнул

выйти на поляну, где начиналась – они безошибочно почувствовали это – черная волшба.

Женщина достала из котомки холщовый мешочек, высыпала из него в лунку золу, смешала с землей.

Склонившись, пошептала:

– Голос черный, захвати золу. Захвати золу, как я – лунный свет. Отвори врата злему мороку, принеси на плечах тихим шепотом.

От золы потянуло бедой. Едкий парок поднимался тонкой струйкой, щекотал ноздри. Женщина, опустившись на одно колено, всматривалась в него, будто выискивая в нем что-то. В серой дымке проявились тонкие угольно-черные прожилки.

Женщина достала из котомки другой мешочек, вынула из него склянку, доверху заполненную темной и густой жидкостью. Откупорив пробку, аккуратно вылила содержимое в ямку с золой. Дымок, поднимавшийся из ее сердцевины, вспыхнул бордово-красным, зола зашипела, взбугрилась, медленно поднимаясь над поверхностью. Со дна сочилась черная смолистая субстанция. Когда ямка до краев ею заполнилась, женщина достала из котомки нож, начертила вокруг ямки какой-то знак, а сам нож вонзила лезвием в середину.

– Призываю со дна Окияна из-под бел-горючкамя тяжелого, навьем миром охранного, холод лютый, могильный. Ты на зов мой отзовись, черным мороком обернись, семь цепей поломай, семь замков отвори, отрави кровью черной, иссуши до последней капельки, тоской жгучей бедовой сожги...

Призрачный дым все больше напоминал пламя, ворчал и ворочался над смолистой жижей, что бурлила в лунке, а из ямки поднялся едкий запах паленого мяса.

– Хорошо. – Женщина удовлетворенно вздохнула, втянула носом резкий аромат, наблюдая при этом, как темнеет нож.

Лезвие будто накалилось добела, покрылось тонкой «венозной» сеткой.

Аккуратно, держась двумя пальцами за рукоять, женщина вытянула его, дождалась, пока вся жижа впитается в металл, закалив его черной навьей волшбой на смерть.

– Хорошо, – еще раз повторила женщина, убирая нож в ножны. – Не проси у Неведомого, покуда и сама за себя постоять можешь...

Глава 6

Снова в Подлунном храме

Аякчаана едва поспевала за Катей: по оставленным меткам та шла уверенно и торопливо. Аякчаана же все время отвлекалась, удивляясь снова и снова. Они вышли к развилке, на которой встретились, и свернули в коридор, из которого появилась Катя. Здесь в самом деле стены были обшиты гладкими, отполированными плитами, так плотно подогнанными друг к другу, что ноготь не пройдет – Аякчаана попробовала. Здесь было теплее, и внучке шамана пришлось расстегнуть куртку. Она перестала следить за многочисленными поворотами. Только удивлялась, что каждый отрезок дороги звучал по-особому, в своей тональности, будто сложно настроенный инструмент: вроде идешь в тишине, только шелест собственных шагов слышишь, а поворачиваешь – дзынь, будто настенные часы счет времени ведут. А за другим поворотом – словно ручеек весело журчит. И это было так удивительно, что Аякчаана всякий раз останавливалась и делала шаг назад, чтобы проверить, не показалось ли это ей.

Катя хмурилась, оборачивалась на замешкавшуюся знакомую:

– Ая, что там у тебя? Не отставай, пожалуйста.

Аякчаана с отчаяньем вздыхала и догоняла Катю.

Загадочный шар, послушно парящий над головой светловолосой знакомицы, не давал покоя, и еще ее шест, вернее посох – Катя на него иногда опиралась, перепрыгивая через широкие трещины в граните.

Конечно, Аякчаана была внучкой шамана, и ее было сложно удивить. Дедушка иногда брал ее с собой в тайгу. Когда собирал травы или ягоды, например. И это были незабываемые путешествия: вдвоем, на оленьей упряжке, вдоль каменистых берегов рек, по хрупкому таежному покрову они забирались туда, где веками не ступала нога человека (кто бы мог подумать, что такие места еще есть на Земле!). Они ставили старенькую, латаную-перелатаную брезентовую палатку, разводили жаркий костер, ели юколу и теплые, запеченные в золе лепешки[7 - Юкола по-эвенкийски: рыбу очищают, освобождают от головы и хребтовой кости, разрезают на длинные плоские пласты. На них делают надрезы в виде елочки с внутренней стороны и коптят на специальном дымокуре у огня под крытым навесом. Слегка прокопченные пласты провяливают на солнце. Теплая эвенкийская лепешка: в прохладную воду всыпать соль, соду, муку, замешать тесто. Тесто тщательно разминают, оно должно быть крутое, как для лапши. Затем раскатывают лепешку круглой формы, протыкают вилкой или острием ножа, подпыливают мукой, чтобы поверхность была сухая. Теплой золе придают плоскую круглую форму, чуть-чуть похлопывая ладонью. На нее кладут тесто, сверху покрывают теплой золой, засыпают углями.]. Однажды она даже пробовала жареное мясо мамонта.

Это было на весенних каникулах, когда дедушка взял ее с собой в тайгу и они встретились с охотниками из их же села. Охотники рассказывали, что земля эта непростая. И лишь редким смельчакам иногда открывает свои древние, сокрытые веками тайны.

Так ученые нашли много лет назад удивительное плато Диринг-Юрях[8 - Дири?нг-Юря?х – одна из древнейших стоянок (комплекс стоянок) древнего человека, датируется (различными исследователями) от 2 млн лет назад до 300 тыс. лет назад, расположена на территории природного парка «Ленские столбы», на берегу ручья Диринг-Юрях. Схожа по ряду признаков лишь с олдованской культурой в Восточной Африке, однако существенно крупнее.]. Аякчаана писала о нем статью для школьной стенгазеты, по крупицам собирала материал. О нем мало знают, еще меньше пишут, о нем нет ни слова в школьных учебниках, а ведь это одно из древнейших мест обитания человека на Земле.

Аякчаане тоже тогда, в той самой поездке, удалось соприкоснуться с этой тайной. Охотники из их села после ужина провели их с дедушкой к реке. Там, на месте обвалившегося при таянии снега берега, зияла широкая расщелина, заполненная льдом и снегом. В ней Аякчаана и увидела огромную тушу могучего гиганта с длинной темно-бурой слежавшейся шерстью, правда, бивни уже кто-то

срезал – они в большой цене.

Еще она вспомнила, как дедушка тогда очень обрадовался находке – срезал прядь бурой шерсти, отрубил кусочек суховатого мяса, а вечером, когда звезды были особенно высоко, говорил с духами предков. Он курил трубку и задумчиво смотрел в костер, иногда напевая грустные гортанные песни и перебирая старые костяные четки.

Аякчаана как сейчас видела, как в тот вечер оживали языки пламени, как искрились угольки, вторя деду. Она смотрела на него и чувствовала, как ощущение тайны, сокрытой под толщей векового льда, проникает под кожу и будоражит кровь.

Долгое время она считала, что это было наваждение, сон. Сейчас же она убеждалась – магия существует.

Хотя то, что вытворяла у нее на глазах Катя, – огненные шары, голубые светящиеся сферы, тающие на стенах знаки – могло оказаться каким-то фокусом. И внучке шамана очень хотелось разгадать его секрет.

– Как ты это делаешь? – наконец спросила она.

– Что именно? – не оборачиваясь, отозвалась Катя.

– Ну, как ты, например, сделала тот огненный шар, который отправляла в тоннель, чтобы проверить, свободен ли проход?

– А! Это светозар, что-то вроде простой шаровой молнии, – отмахнулась Катя. – Вот Ярушка – это моя подруга – она умеет из таких шаров большую звезду делать, которую даже на облачной карте видно.

– А что такое облачная карта? – удивилась Аякчаана.

Катя промолчала. В самом деле, как можно объяснить случайному человеку то, что она сама еще не до конца поняла? Она, собственно, и шла за разъяснениями к своей маме, но тут на ее пути оказалась эта странная девочка. И с ней теперь приходится возиться. Хорошо, если Енисея еще в Александрии.

Наконец они вышли к переходу, который Катя покинула совсем недавно. Последний поворот, путевой знак, и вот они – высокие колонны и изящный ребристый свод, куда она попала из подвала Александрии, едва взмахнув посохом. Сейчас она надеялась, что, повторив шаг за шагом маршрут, сможет вернуться в подвал Александрии точно в тот момент, когда исчезла оттуда.

Стройные колонны смыкались над головой, образуя подобие каменного шатра. По зеркальным стенам струилось сине-зеленое свечение, и казалось, что стены прозрачные. Оптический обман, жутковатое чувство окружающей бездны. Да, это именно то место, в котором она оказалась, следуя за посохом.

Аякчаана почувствовала, как по спине пополз ледяной холод, и вздрогнула.

Катя остановилась, перевела дух.

Все. Тупик. Дальше хода нет. Посмотрела на притихшую внучку шамана: та, открыв рот и запрокинув голову, смотрела на потолок.

– Что это? Это под океаном? – Ая перевела взгляд, моргнула.

Катя покачала головой, хотела сказать «нет», но вдруг поняла, что и сама точно не знает, где находится этот зал, – может, и в самом деле на дне океана. Или на вершине горы. Она понятия не имела, где они сейчас, и боялась одного – что опять заблудилась.

– Ну что, готова? – вместо ответа спросила она у Аякчааны и взяла ее за руку. – Будет немного холодно и тяжело. Словно под воду с головой нырнешь. Но это ненадолго, быстро все пройдет, не бойся, – деловито предупредила она. – Воздуха побольше в легкие набери на всякий случай.

– На какой случай? – вздрогнула Аякчаана.

Катя сделала вид, что не слышит.

– На счет три, – скомандовала она, взяла ее за руку и потянула к себе.

«Вот бы вернуться в ту самую минуту, как я исчезла», – подумала с надеждой.

Она представила перед глазами подвал Александрии. Старинные стены, вековую пыль, мысленно притянула к себе холодную сырость. Легкое свечение, исходившее от посоха все это время, разрослось, дотянулось до сводов, яркими лентами окутало две фигуры. Пространство сжалось и тут же расширилось, подхватив тела девочек, оторвав их от земли. Мгновенная глухота и тяжесть, учатившееся дыхание, застрявший в горле крик. И тут же их выбросило в пустоту, на сырой и пыльный пол, покрытый мелкой каменной крошкой.

Аякчаана испуганно, со свистом дышала.

– Ну-ну, – утешительно похлопала ее Катя по спине.

Она уже успела понять: подвал пуст, и путешествие придется продолжить. Она только еще не придумала, как именно это сообщить и без того перепуганной Аякчаане. Для начала подбодрить.

– Ничего страшного! Я же сказала тебе вдохнуть по сильнее! Ты отчего не послушала?

– Я послушала, – хрипела Аякчаана, – только... оно как надавит... на грудь... Так страшно...

Только сейчас внучка шамана огляделась вокруг и поняла, что находится в совершенно ином месте. Сырость забиралась под распахнутые полы куртки, щекотала ноздри. Девочка подняла голову, но не увидела сводчатого потолка. Оглянулась назад: коридор, приведший ее сюда, исчез. Все было погружено в темноту, и голубая сфера над головой ее новой знакомой оказалась единственным освещением.

– Мы вообще где?

Катя посмотрела на нее с сомнением, встала и отряхнула испачканные пылью колени.

– Ты только без паники, хорошо? – строго предупредила. – Нам бы только выяснить, бабушка Могиня и ребята ушли уже отсюда или нет.

Аякчаана открыла было рот, чтобы спросить, кто эти люди, но горло пересохло от страха и вопрос застрял в гортани. Девочка встала следом за своей новой знакомой: та, подняв высоко над головой световую сферу, стала обходить помещение, вглядываясь в свежие следы на пыльном полу. Аякчаана, стоило ей сообразить, что Катя от нее удаляется, сразу догнала ее, стараясь больше не отставать ни на шаг.

– Ты что делаешь? Мы где находимся? Это не похоже на пещеры Кигиляхов...

– Потому что это не пещеры Кигиляхов, – сказала Катя и поняла, что настал момент для объяснений.

Ни Енисеи, ни Могини, ни ребят здесь не было. А значит, нужно либо продолжить путешествие по этому времени, либо возвращаться назад и искать другой выход – помогать этой странной девочке в лыжном костюме вернуться домой, к дедушке.

Катя повернулась к новой знакомой:

– Мы находимся в древнем городе Александрия, территориально это вблизи современного нам Красноярска...

У Аякчааны округлились глаза.

– Где? – Она мигнула. – То есть вблизи чего?

– Крас-но-яр-ска! – по слогам отчеканила Катя. – Город такой есть. Слыхала?

– Про город Красноярск я слышала, – смутилась Аякчаана, – только как мы здесь оказались, он же за тысячи километров от Кигиляхов?

– Это еще не все. – Катя многозначительно подняла палец к тонувшему во тьме потолку. – Ты находишься сейчас не в сентябре 2015 года, а в июне 1597?го.

Удивление достигло того самого потолка, на который только что указывала Катя. Достигло того самого предела, когда Аякчаана уже никак не реагировала. Похлопав глазами с минуту, она поинтересовалась:

– Ты разыгрываешь меня, да?

– Не-а. – Катя покачала головой, нахмурилась.

Она вспомнила, как несколько дней назад сама чуть не упала от аналогичной новости. Но ей как-то легче поверилось в происходившее, какие-никакие доказательства перед глазами были: Ярушка в древней одежде, деревянный терем, Могиня... темный морок... Все это как-то способствовало тому, что Катя сразу поверила. А что ей предъявить этой девочке?

– Знаешь, это трудно понять, – она положила руки на посох, – я сама в это поверила с трудом... Но у меня мама – искусствовед, ученый человек, я вообще во все эти сказки не верила. Но ты-то, говоришь, внучка шамана. Значит, с потусторонним и сверхъестественным миром дело имела. Так что постарайся пока просто поверить, а доказательства я тебе потом покажу.

Аякчаана рассмеялась. Разве что пальцем у виска не покрутила, но посмотрела как на сумасшедшую:

– Во что поверить? Что мы попали в прошлое? Мне, может, еще в гадание по руке поверить?

Катя вздохнула:

– Нет, в гадание по руке вроде пока не надо. – Она прикинула, можно ли отнести к гаданиям фокусы Ярушки и Енисеи. Решила, что все-таки это другое. – Давай без истерик – ты все-таки внучка шамана. Сейчас мы в прошлом. Тебя вызвали эти ваши Каменные люди, поручили найти копье, закрыли выход. Столкнули нас с тобой. Давай будем выбирать.

Она выжидательно посмотрела на свою новую знакомую, дождалась, пока та согласно кивнет.

– Вот и хорошо, – вздохнула Катя с облегчением. – И здесь всё не так, как мы привыкли думать. Это не дикие земли, здесь есть города, торговые пути. Эти места славятся своими оружейниками, купцы поставляют пушнину и зерно на Восток.

Аякчаана недоверчиво огляделась. Критически посмотрела на сырые стены, пыль и мелкую, словно драконья чешуя, каменную стружку.

Катя приподняла посох, двинулась к выходу.

– Пойдем, что ли, – махнула она рукой своей подопечной. – Я говорила тебе, что хотела познакомить тебя с одной девушкой, ее Енисея зовут. Она как-то рассказывала, что ее семья служила в храме Мары близ Аржана. Это Алтай, если я хоть что-то смыслю в географии, мама как-то упоминала эти раскопки. И я рассчитывала, что эта девушка окажется здесь. Но я ошиблась, как ты сама можешь убедиться, – мы с тобой в этом подвале одни. И чтобы найти мою знакомую, нам придется пойти еще в одно место... или в два. Я не знаю точно. – Катя резко остановилась. – Ты этого хочешь? Хочешь продолжить путешествие?

Она затаила дыхание, вглядываясь в настороженное лицо собеседницы.

Не сводя глаз с Катиного лица, Аякчаана еле заметно кивнула.

– Что? – не поняла Катя. – Ты хочешь идти домой?

Аякчаана покачала головой из стороны в сторону:

– Нет. Я пойду с тобой искать твою знакомую... Мне без копия Маары, Мары то есть, обратной дороги нет. Я дедушку не могу подвести.

Катя подавила вздох, махнула рукой.

– Тогда держись, – и, взмахнув посохом, сделала переход в дом Могини – вряд ли бабушка с Ярославой и ребятами переместились куда-то еще.

Глава 7

Джунгары

Как только Катя коснулась ногой пола в Ярушкиной комнате, она поняла, что случилась беда, – ее окружила могильная тишина. Ни песни за окном, ни птичьего гомона. Ни шума листвы. В носу щипало от сильного запаха гари, копоть осела толстым слоем на всех поверхностях. То тут, то там еще едко дымилось выгоревшее дотла и почерневшее от пожара дерево. Белые хлопья золы летали в воздухе словно снежинки, оседали на плечи и ресницы.

Сделав предостерегающий жест и заставив свою подопечную остаться на месте, Катя шагнула к двери. Вернее, к провалу, который теперь зиял на ее месте. Фактически от Ярушкиной комнаты осталась стена с сундуком, из которого всего три дня назад вывалилась Катя, кусок пола и угол, в котором стояла кровать. Все испорчено, посыпано пеплом и щепой. Сундук взломан и изрублен на куски. Грабитель явно с ним не церемонился, сбил металлическое крепление и, не найдя в сундуке ничего достойного внимания, со злостью изрубил его. – Что здесь произошло? – прошептала рядом Аякчаана. Катя и сама хотела бы знать, что случилось. Она осторожно подошла к краю и заглянула вниз, в глубину провала, из которого еще поднималась тонкой струйкой пыль и копоть пожара, и прислушалась к тишине.

– Что это за место? – чуть громче прошептала Аякчаана.

Катя не успела шикнуть на нее: в это же мгновение внизу слышалось торопливое движение и из-за куска обвалившейся стены выглянуло широкое смуглое лицо. Катя ахнула и подалась назад.

Поздно.

Человек внизу выскочил из своего укрытия, уже заметил их и закричал что-то на непонятном языке. И хоть она не поняла ни слова, догадаться, что они в опасности, было несложно.

Внизу слышались шум и приближающийся топот.

Стены задрожали. Пол под ногами повело. И в то же мгновение чудом уцелевший угол дома Могини накренился, прогоревшие и разрушенные доски первого этажа оглушительно хрустнули, застонали, осыпаясь и увлекая за собой испуганную Катю и Аякчаану прямо на голову оторопевшего воина.

Грохот, пыль и копоть забили легкие, припорошили глаза. Катя откашливалась, одновременно пытаясь распознать в серой пыли свой посох. Ощупывала пустоту вокруг. Рядом, чуть правее, задыхаясь, кашляла Аякчаана.

Катя почувствовала, как к ним направились несколько людей – мужчин, пахнувших лошадиным потом и человеческой кровью. Их шаги, приглушенные пеплом, были совсем рядом. Катя прикрыла лицо рукавом, попробовала отползти за сломанные бревна. Не успела – один из подошедших грубо схватил ее за шиворот, выдернул из-под завала и несколько раз встряхнул в воздухе, как тряпичную куклу.

Судя по интонации, выругался и швырнул на землю.

Аякчаана пискнула рядом, бросилась было к Кате на выручку, но ее также подхватили, как нашкодившего котенка, приставили к горлу лезвие кривой сабли.

Мужчина, только что бесцеремонно бросивший Катю на грязную, пахнущую бедой землю, что-то предостерегающе крикнул остальным, указав на Катю и Аякчаану. К одному поднятому к небу указательному пальцу прибавился второй. Все, уставившись на руку воина, застыли.

– Сенге-хан, они это! – уверенно доложил он.

Главарь согласно кивнул, присел на одно колено, осторожно дотронулся до подбородка Аякчааны. В этот момент Катя в ужасе замерла – она решила, что их сейчас просто убьют. Ее подопечная, видимо, тоже так подумала, поэтому зашептала что-то на своем языке и зажмурилась. Воин вытянул из-за воротника Аи тонкий, искусно вышитый зелено-синими узорами шарфик. Катя онемела. Она и не заметила его за все время, а воин за считанные доли секунды успел обратить на него внимание.

Тихо и при этом властно незнакомец что-то спросил у Аякчааны, тыча ей в нос этот самый платок.

– Мамин подарок, – пропищала та испуганно.

Мужчина хмыкнул, порывисто встал и крикнул, указав на Катю. Второй воин, одетый чуть скромнее, чем незнакомец, видимо его помощник, о чем-то спросил его, жестом указав на Аякчаану. Незнакомец пристально на нее посмотрел и покачал головой.

За несколько минут, пока незнакомец и его помощник тихо переговаривались, Катя постаралась внимательнее их рассмотреть и запомнить, чтобы понять, кто они, эти воины.

Их было восемь. Восемь черноволосых мужчин с тяжелыми и острыми как бритва взглядами. Темно-коричневые халаты длиной чуть ниже колен с жесткими, прикрывающими шею воротниками. Поверх – словно панцири на черепахах – жилеты с небольшими почерневшими металлическими пластинами, скрепленными кожаными ремнями. На руках – кожаные наручи[9 - Наручи – часть доспехов, защищающая руки от кисти до локтя.] с металлическими накладками. Мягкие сапоги прикрывали щиколотки. У одного из мужчин, того, что был, видно, начальником, обувь была с цветной аппликацией – узор, который и в самом деле напоминал тот, что Катя успела разглядеть на платке Аякчааны.

На головах у каждого – шлем, собранный из четырех металлических треугольных пластин со срезанными вершинами, стыки которых оказались соединены между собой кожаными ремешками. В плоское круглое навершие вставлен прутик с прикрепленным к нему пучком конских волос. Небольшой треугольный козырек, который напоминал Кате козырек бейсбольной кепки, был прикреплен к передней лицевой пластине шлема.

Мужчины были вооружены как средневековые всадники: колчан со стрелами, лук, круглый деревянный щит с металлическими бляхами. На поясе – искривленная сабля.

– Это кто? – одними губами прошептала Аякчаана прежде, чем ее успели увести.

Катя пожала плечами и покачала головой. Она не знала, кто это мог быть. Кажется, в каком-то из маминых каталогов она встречала подобное одеяние воинов, но кому, какому народу оно принадлежало, она никак не могла вспомнить.

В любом случае она знала совершенно точно – они в беде, в большой беде: посох утерян; как отсюда выбираться, неясно. Эти люди в лучшем случае продадут их в рабство. В худшем – убьют за ненадобность. Хотя это еще вопрос, какое из этих двух зол лучше.

Но безмолвный вопрос Аякчааны привлек к себе внимание. Мужчины прекратили обсуждение.

– По коням! – скомандовал главарь.

И тут же к Кате подбежал один из воинов, рывком поднял ее на ноги и завел руки за спину, крепко связал. Аякчаане же помогли встать, легонько подтолкнули к Кате, но связывать не стали. Ая подхватила свою новую знакомую под локоть, не позволив упасть, когда их, словно невольниц, толкнули вперед.

– Вперед иди! – проговорил воин.

Хлыст то и дело свистел, взбивая черную от сажи пыль.

– Кто эти люди, ты знаешь? – испуганно шептала Аякчаана Кате на ухо, когда они оказались рядом.

Катя только отрицательно покачала головой, оглянувшись на шедших рядом воинов. Те пристально наблюдали за ними.

– Не знаю, но, надеюсь, нам удастся сбежать от них, – пробормотала девушка. – А что ты им сказала?

– Они почему-то заинтересовались этим шарфом, который мне мама на день рождения подарила. – Ая незаметно дотронулась до шеи, того места, где недавно он красовался.

– А что в нем такого?

– Понятия не имею. Мама сама его вышивала. Там наши национальные узоры, традиционные. Они от злых духов оберегают... Вообще-то их обычно на шарфах не вышивают, – добавила она, подумав, – но дедушка маме разрешил. Даже

подобрал узоры... От злого глаза, от злой стужи. От лютого зверя. От страха...

– Может, они им знакомы? – предположила Катя.

Тем временем их подвели к лошадям. Один из воинов сел в седло, Катю грубо подхватили и посадили в седло перед ним. Аякчаане выделили отдельную лошадь, которую под уздцы взял молодой воин.

Не мешкая более, все двинулись со двора в сторону ярмарочной площади.

Катя смотрела и не узнавала совсем еще недавно такую красивую и ухоженную Тавду. Не было ни одного целого дома. Та часть города, где стоял дом Могини, выгорела дотла, серый пепел осел на дороги и почерневшие заборы. Только коты, которые совсем недавно с любопытством наблюдали, как Катя с Ярушкой покидают бабушкин дом, все так же сидели на пепелище. Здесь было безлюдно, пусто и тихо. Только звуки лошадиных копыт гулко отдавались в груди, терялись за едко пахнувшей пеленой. Ближе к ярмарочной площади отдельные группы таких же темноволосых мужчин суетились на разоренных улицах, вынося из домов узлы с вещами, сундуки, домашнюю утварь, сбрасывая все добро в большие кучи посреди мостовой. Ругались и даже дрались, особенно у богатых домов и в лавках купцов.

Здесь же, на одной из площадей Тавды, Катя впервые увидела трупы. Истерзанные и изуродованные мужчины и женщины, старики, дети. Кровь пропитывала пыльную землю, стекала в сточные канавы, смешивалась с черной грязью и золой. И несла свои траурные воды дальше, прочь из города.

Не пощадили никого.

«Где же Могиня?.. Где ребята, Ярослава?» Не в силах сдержать слез, Катя с ужасом вглядывалась в лица погибших, боясь узнать знакомых.

Когда они вышли на улицу, которая вела на ярмарочную площадь, в воздухе еще отчетливее почувствовался едкий запах гари, страха и смерти. Отсюда были слышны крики людей. Кто-то еще звал на помощь. Сердце сжалось от страха: это на соседней улице кричала женщина с ребенком. Они находились на втором этаже горящего дома. Пламя уже почти дотянулось до них. В это время внизу, во дворе, стояло человек десять грабителей. Посмеиваясь, они наблюдали за

погорельцами, даже не пытаясь их спасти. Один даже передразнивал несчастных.

Катя инстинктивно дернулась помочь, но всадник за спиной жестко осадил ее.

– Что же вы за люди такие, звери, а не люди, – прошептала девочка, не в силах слышать жалобный плач младенца и отчаянные крики его матери.

Воин недовольно цокнул языком, потянул на себя веревки на ее запястьях так, что те сильно впились, сдирая кожу.

Катя взывала от боли.

– Молчать, – скомандовал всадник.

Изо рта резко пахло чесноком и луком, Катя поморщилась, подалась назад, чтобы ослабить узлы. Но, кажется, державший ее воин не преследовал цели долго мучить ее, просто хотел напугать и заставить сидеть смирно.

На центральной площади было многолюдно. Но что это? Там, где недавно стояли торговые ряды, весело хохотали покупатели, зазывали к своим товарам купцы, сейчас, огороженные телегами и охраняемые вооруженными всадниками, стояли, сидели, лежали женщины и дети. Все они были связаны, перепачканы грязью и кровью, избиты и очень подавлены. Внимательно вглядываясь в измученные лица, Катя боялась узнать знакомые черты. Но, к счастью, не находила. В душе теплилась надежда, что Могиня, Ярушка и ребята отправились в Аркаим и миновали этот ужас.

Как же ей отсюда выбираться? Да еще и с Аякчааной... Катя покосилась на свою новую знакомую: перепуганная, испачканная сажей девчонка, чуть не плача, круглыми, как блюдца, глазами смотрела на происходящее вокруг. И изредка жалобно всхлипывала. Сбежать? Катя украдкой огляделась – маловероятно, что получится: она не очень хорошо знала эти места. Выходит, надо делать переход. Но для этого надо как-то умудриться развязать руки и найти посох.

С этой задачей она сама вряд ли справится. Хорошо, если их поместят вместе с Аякчааной, а у нее руки останутся развязаны, – тогда, конечно, есть шанс

освободиться.

Пока она продумывала план побега и пыталась осторожно проверить узел на крепость, всадники миновали ярмарочную площадь и свернули на дорогу, уводившую их из города. Совсем недавно они с Ярушкой тоже шли по ней. Кажется, это было в другой жизни: тогда Катя надеялась на помощь. Сейчас нужно выбираться самой и не позволить погибнуть этой смешной девчонке.

Катя с жалостью посмотрела на нее и подумала: «Лучше бы ты дедушку расстроила и не пошла к этим своим каменным людям – глядишь, сейчас целая была бы».

Выехав за пределы города, всадники остановились в нескольких километрах от него, среди широких цветных шатров. Катя поняла – это была их стоянка. Здесь пахло дымом и жареным бараньим салом, луком и специями. Остро, пряно, да так, что желудок скрутило и он жалобно заурчал, прося хоть кусок хлеба.

Воин, который вез Катю, спешил, стянул ее с седла и оставил сидеть на траве около одного из шатров. Рядом опустилась Аякчаана. Вытянув шею, она опасливо посмотрела по сторонам. Воин по-хозяйски вошел в шатер, громко крикнул что-то на своем языке; немыслимое сочетание согласных – это все, что смогла разобрать Катя. Ему ответил неприветливый голос, грубый, а через пару мгновений из шатра вышла старуха в грязном халате, вся в бородавках, с длинными пожелтевшими ногтями, такими длинными, что они скрутились в спирали, как рога у барана.

Старуха зло посмотрела на девочек, что-то прошептала беззубым ртом. Катя явно вызывала у нее отвращение, а вот Ая – наоборот, некоторый интерес. Особенно ее странная для средневекового человека одежда. Старуха бесцеремонно пощупала ткань, подняла Аякчаане руки, подняла на ноги и заставила покрутиться вокруг своей оси. Неодобрительно покачала головой.

Пока старуха была занята осмотром, Катя исподтишка поглядывала на расположение шатров, пыталась запомнить на тот случай, если удастся бежать. Старуха, заметив это, прикрикнула на нее, наградила звонкой затрещиной. Тяжелая рука припечатала так, что из глаз искры посыпались.

– Сиди! – прикрикнула старуха, устраиваясь у шатра и закуривая трубку. Над пыльной травой потянуло горьковато-кислым и приторным.

Подумав, старуха придвинула ногой толстую палку и оперлась на нее. Зло уставилась на Катю, буравя черными глазами.

А через пару минут прибежала стайка чумазных полуодетых детей. Они бегали вокруг девочек, стараясь, однако, не приближаться к старухе. И скоро стало понятно почему: лишь только одна неосторожная девочка приблизилась к Кате, чтобы потрогать ее светлые волосы, старуха со всей силы огрела ее толстой палкой по спине. Девочка отлетела на несколько метров в сторону, но не пискнула, не заплакала. Только зло шмыгнула носом и убежала в сторону леса. Остальные дети оказались осторожнее. Они забавлялись тем, что бросали в Катю куски грязи пополам с травой. Старуха молчала, только посмеивалась. Видимо, ее задача состояла в том, чтобы следить за пленницами. А их безопасность в ее обязанности вовсе не входила.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Амбал (разг.) – большой, очень высокий и сильный человек. Есть предание, что слово «амбал» стало нарицательным примерно в XVI–XVII веках, а изначально было именем князя остяков (устаревшее название народов северной Сибири) Амбала, человека очень высокого роста и недюжинной силы.

2

Кигиляхи, или Кисиляхи, – в Якутии «каменные люди», монументы на острове Большой Ляховский, а также в Верхоянском улусе (районе), на материковой части республики. Представляют собой гранитные горы-останцы природного происхождения, имеющие причудливую форму. Считаются священным местом, в которое раньше допускались только шаманы для проведения обрядов.

3

Тикси – самый северный город в Республике Саха (Якутия) на побережье Северного Ледовитого океана, крупный северный порт России.

4

Большой Ляховский – один из крупнейших островов в группе островов Новосибирского архипелага, открыт в 1712 году Я. Пермяковым и М. Вагиным. Названы в честь купца Ивана Ляхова, впервые упомянувшего остров в своих отчетах и занимавшегося там промыслом мамонтовой кости. На северной оконечности данного острова и расположена группа останцев (древних скал), получивших название Кигиляхи – «каменные люди».

5

Ункур (унгур) – широко распространенный тюркский термин: пещера, щель в скалах, яма, глубокая теснина, лог, провал.

Кюсюр – центр и единственный населенный пункт Булунского эвенкийского национального наслега (сельского поселения) в Булунском улусе.

Юкола по-эвенкийски: рыбу очищают, освобождают от головы и хребтовой кости, разрезают на длинные плоские пласты. На них делают надрезы в виде елочки с внутренней стороны и коптят на специальном дымокуре у огня под крытым навесом. Слегка прокопченные пласты провяливают на солнце. Теплая эвенкийская лепешка: в прохладную воду всыпать соль, соду, муку, замешать тесто. Тесто тщательно разминают, оно должно быть крутое, как для лапши. Затем раскатывают лепешку круглой формы, протыкают вилкой или острием ножа, подпыливают мукой, чтобы поверхность была сухая. Теплой золе придают плоскую круглую форму, чуть-чуть похлопывая ладонью. На нее кладут тесто, сверху покрывают теплой золой, засыпают углями.

Дири?нг-Юря?х – одна из древнейших стоянок (комплекс стоянок) древнего человека, датируется (различными исследователями) от 2 млн лет назад до 300 тыс. лет назад, расположена на территории природного парка «Ленские столбы», на берегу ручья Диринг-Юрях. Схожа по ряду признаков лишь с олдованской культурой в Восточной Африке, однако существенно крупнее.

Наручи – часть доспехов, защищающая руки от кисти до локтя.

Купить: https://tellnovel.com/kretova_evgeniya/vershiteli-chast-2-tayna-kamennyh-lyudey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)